

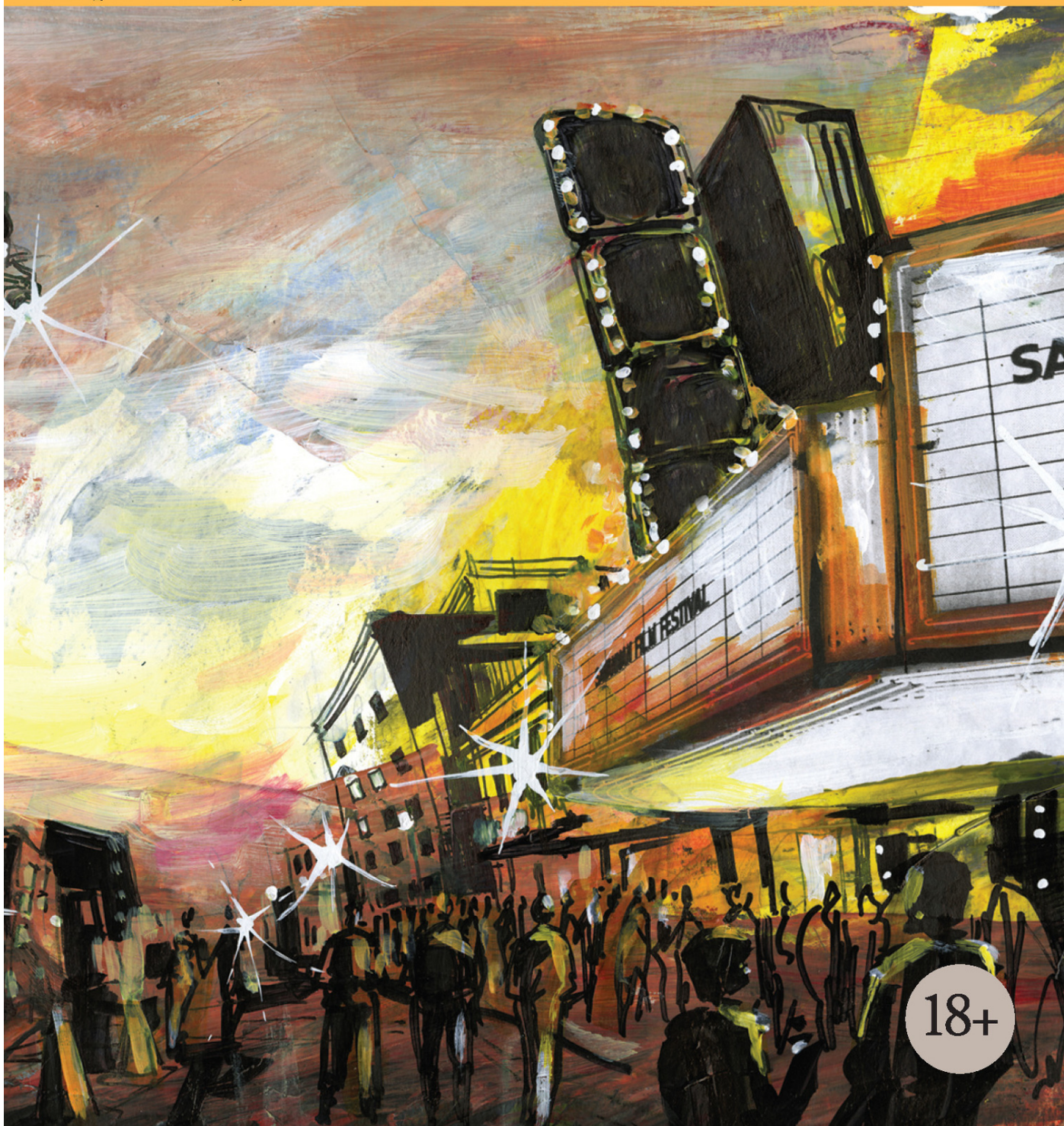
Трумен
Капоте

The BEST

Услышанные молитвы
Вспоминая Рождество

[роман. рассказы]

18+

XX век / XXI век – The Best

Трумен Капоте

**Услышанные молитвы.
Вспоминая Рождество**

«Издательство АСТ»

1967, 1983, 1984

УДК 821.111-3(73)

ББК 84(7Coe)-44

Капоте Т.

Услышанные молитвы. Вспоминая Рождество / Т. Капоте —
«Издательство АСТ», 1967, 1983, 1984 — (XX век / XXI век – The
Best)

ISBN 978-5-17-112226-3

Роман «Услышанные молитвы» Капоте начал писать еще в 1958 году, но, к сожалению, не завершил задуманного. Опубликованные фрагменты скандальной книги стоили писателю немало – он потерял многих друзей, когда те узнали себя и других знаменитостей в героях этого романа с ключом. Под блистательным, циничным и остроумным пером Капоте буквально оживает мир американской богемы – мир огромных денег, пресыщенности и сексуальной вседозволенности. Мир, в который равно стремятся и денежные мешки, и представители европейской аристократии, и амбициозные юноши и девушки без гроша за душой, готовые на все, чтобы пробить себе путь к софитам и красным дорожкам. В сборник также вошли автобиографические рассказы о детстве Капоте в Алабаме: «Вспоминая Рождество», «Однажды в Рождество» и «Незванный гость».

УДК 821.111-3(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-112226-3

© Капоте Т., 1967, 1983, 1984
© Издательство АСТ, 1967, 1983, 1984

Содержание

Предисловие. Неуслышанный гений	6
Услышанные молитвы	18
Часть первая. Неизбалованные монстры	18
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Трумен Капоте
Услышанные молитвы.
Вспоминая Рождество

Truman Capote
Answered Prayers a Christmas Memory

© Alan U. Schwartz, 1987, 1995

© Truman Capote, 1967, 1983, 1984

Школа перевода В. Баканова, 2019

© Предисловие. Д. Захаров, 2019

© Издание на русском языке AST Publishers, 2019

* * *

Предисловие. Неуслышанный гений

В девять лет Трумен написал рассказ «Старая миссис Хлопотун», где в завуалированной форме изобразил родственников и соседей. В персонаже по имени Лулу Белл можно было легко узнать мать писателя – вечно недовольную Лилли Мей; выпивоха дядя Уильям очень походил на дядюшку Бада – большого любителя виски; озорные дети – Лиззи, Освальд и Эндрю напоминали соседских ребят.

За бытовыми сценками проглядывала ирония внимательного наблюдателя, сумевшего через диалоги раскрыть характеры героев и передать типичную атмосферу американского Юга – светливую, громкую и немного чуждаковатую.

Юный автор планировал отправить сочинение в местную газету, там как раз объявили конкурс на лучший рассказ. Однако тетушка Дженни, в доме которой жил маленький Трумен, вовремя перехватила рукопись. Она прочла и поняла, что публикация принесет мальчику одни неприятности. Прототипы без труда узнают себя – и тогда Трумену несдобровать.

Дженни спасла его, спрятав рукопись от греха подальше. «Нечего трясти грязным бельем и трубить на весь свет о недостатках родных и знакомых», – рассудила мудрая женщина.

Спустя сорок два года история повторилась. На этот раз сочинение получило название «Услышанные молитвы». Вот только спасти Трумена было уже некому.

* * *

30 сентября 1924 года в 3 часа пополудни в больнице Тоуро в Новом Орлеане на свет появился ребенок. Мальчика назвали Труменом Стрекфусом Персонсом в память о Трумене Море – друге юности его отца Арча. Промежуточное имя возникло в честь Верна Стрекфуса – владельца паровой компании, в которой Арч в то время работал.

Мать будущего писателя Лилли Мей разочаровалась в браке почти сразу. Муж не мог исполнить ее мечты. Вместо ярких огней Нью-Йорка беременную жену ожидали темные улицы Монровилля – города ее сиротского детства.

После смерти родителей Лилли Мей воспитывали Дженни, Соук и Келли Фолк – дальние родственницы, которых для простоты называли тетушками. Детей у них не было, да и замуж ни одна так и не вышла. Вместе с сестрами Лилли Мей жила в доме со старыми девами – скучнее и придумать нельзя.

Она росла дерзким и непослушным подростком, рано осознавшим свою привлекательность. В педагогическом институте за ней толпами ходили воздыхатели, а вскоре ее красоту признали официально. Как-то раз Лилли Мей отправила фотографию на конкурс – и заняла первое место. Главным призом стала поездка в Нью-Йорк на стажировку в косметическую империю Элизабет Арден. Тогда она и «заболела» этим городом. Жить на Манхэттене, устраивать вечеринки, общаться со знаменитостями – вот о чем она грезилась, когда в 18 лет вышла замуж за Арча Персонса, человека на восемь лет старше ее. Впрочем, слушать упреки и наставления тетушек ей тоже порядком надоело. Она считала, что, выйдя замуж, обретет долгожданную свободу. Но брак оказался очередной иллюзией.

Родители Арча деньгами сына не баловали, и Персонс крутился как мог. Увезти жену в город ее мечты тоже не получилось – дальше Нового Орлеана молодая семья не поехала. А тут еще беременность, случившаяся совершенно некстати. Она и ребенка совсем не хотела, но родственницы вмешались: рожай, мы поможем.

После нескольких лет скитаний с малышом по съемным квартирам и гостиничным номерам Лилли Мей устала от кочевой жизни. Арч постоянно пропадал на работе или занимался

какими-то авантюрами. Он закрывал глаза на ее многочисленных любовников и даже не показывал, что ревнует. Чувств к нему совсем не осталось.

Последней каплей стало то, что муж втянул ее в опасную историю с контрабандой алкоголя. Во времена Сухого закона нелегальным бизнесом занимались самые отчаянные люди. Когда Лилли Мей узнала правду, Арч перестал для нее существовать. Она собрала вещи и вернулась в Монровилль.

«Вы обещали помочь с воспитанием мальчика, – вот вам ребенок, а мне нужно устраивать собственную жизнь», – заявила Лилли.

Она оставила трехлетнего Трумена на попечение престарелых родственниц, которые когда-то воспитывали ее, и отправилась в Нью-Йорк на поиски счастья.

* * *

«У меня была пожилая родственница, женщина из рассказа “Вспоминая Рождество”. Истинный гений! Она, конечно, об этом не знала, да и другие тоже. Большинство видели в ней чудаковатую старушку небольшого ума, которая прекрасно шьет лоскутные одеяла», – так вспоминал писатель о своей «подружке» Нэнни Рамбли Соук Фолк. Трумен был ее любимцем: они вместе играли, мастерили воздушных змеев, вырезали рисунки из журналов, ходили собирать лекарственные травы.

Соук была худенькой, невысокой (меньше 152 сантиметров) женщиной. В детстве она перенесла тиф и едва не умерла. Родные считали, что болезнь повлияла на ее умственные способности. Поэтому сестра Дженни заботилась о ней, словно о беспомощном ребенке.

Соук всегда носила простые бесформенные платья из ситца. С подозрением относилась к темному времени суток и после захода солнца никогда не выходила из дома, полагая, что снаружи притаились вредные испарения, смертельная болотная лихорадка и вечная сырость, которые сильно вредят организму. По той же причине окна в ее спальне постоянно оставались закрытыми, и в комнате стоял стойкий запах пота.

Она тайком жевала табак, пила много кофе и знала один секрет, доставшийся ей от матери, – рецепт особого эликсира «от всех болезней», который Соук сама готовила и продавала всей округе. Именно тетушки Соук и Дженни стали прототипами Долли и Верены Талбо в повести «Голоса травы» (1951) – самого автобиографического произведения писателя.

О любимой Соук Трумен напишет еще не раз. «Вспоминая Рождество», «Незванный гость», «Однажды в Рождество» – во всех этих лирических новеллах он с теплой грустью расскажет о своей престарелой подружке, заменившей ему мать.

Когда в 1932 году Лилли Мей приехала забирать сына к себе в Нью-Йорк, расставание мальчика с Соук стало самой драматичной страницей в жизни обоих. Нет, конечно, потом они встретятся, и не раз, но именно той осенью у Трумена закончилось детство.

Соук Фолк не доведется увидеть своего воспитанника в ореоле писательской славы, да и рассказы, в которых он поведает об их дружбе, выйдут значительно позже. 23 января 1946 года Соук умерла от онкологического заболевания в возрасте 74 лет.

* * *

Первый рассказ, который принес Капоте известность, назывался «Мириам». Его опубликовал журнал «Мадемуазель» в июньском номере за 1945 год. Открытый финал заставлял читателей вскрикивать от ужаса и с опаской озираться по сторонам. Многих поразила изобретательность автора. Трумен даже получил литературную премию О’Генри и очень этим гордился.

С молодым дарованием хотели познакомиться редакторы модных журналов и литературных альманахов, а глава издательства «Рэндом хаус» заключил долгосрочный контракт.

Такому успеху Трумен был отчасти обязан Джорджу Дэвису (1906–1957) – выдающемуся литературному редактору, ставшему «крестным отцом» для Карсон Маккалерс, Рея Бредбери, Джейн Боулз и многих других талантливых авторов.

С 1936 по 1941 год Дэвис работал в «Харперс базар», а затем перешел в «Мадемуазель», где восемь лет руководил отделом художественной прозы. Он был гомосексуалистом и этого почти не скрывал. Именно к нему в офис Капоте явился без приглашения и предложил свои рассказы. Знаменитый викторианский кабинет редактора с плотными красновато-коричневыми портъерами Трумен потом опишет в «Услышанных молитвах».

Дэвис прочитал и отверг обе рукописи. Они показались ему перепевками чужих произведений, но авторский стиль в целом понравился. Он захотел посмотреть что-нибудь еще. В следующий раз Трумен принес «Мириам» – историю одного кошмара.

Сделав достаточно много правок и замечаний, Дэвис все-таки взял текст в работу, а заодно пригласил молодого человека на вечеринку. В доме у редактора собирался весь цвет литературного бомонда. Интеллектуальные беседы, споры и, конечно же, сплетни.

Капоте знал много пикантных историй. Обычно он добавлял что-нибудь от себя – для усиления драматического эффекта – и, к радости слушателей, выдавал очередную уморительную байку. Он органично вписался в литературный круг Нью-Йорка, завел полезные знакомства и нужные связи. А после публикации «Мириам» перед ним открылись двери многих светских салонов.

По правде сказать, Дэвис недолюбливал Трумена и в шутку называл его «примадонной». У него всегда находились замечания к его текстам, в то время как сам автор расценивал их как необоснованные придирки. Возможно, поэтому Капоте припомнил Дэвису редакторскую щепетильность, изобразив его в «Услышанных молитвах» под именем Тернера Ботрайта (Боти).

Многое из того, что написано про Боти в романе, является правдой, кроме, пожалуй, обстоятельств его неприглядной смерти. Дэвис не был забит насмерть любовником – он скончался в Берлине от сердечного приступа. Однако история с нападением не была выдумана Капоте. В начале пятидесятых один из «парней-на-час» жестоко избил Дэвиса и сломал ему челюсть. Редактор выжил, но после громкого инцидента решил перебраться в Париж.

К тому времени, когда одна из глав «Услышанных молитв» появилась в «Эсквайре», Джордж Дэвис уже давно лежал в могиле. Его имя помнили профессионалы и те, кому он помог раскрыть литературный талант. Прочитав о нем такое, многие посчитали, что редактор наверняка перевернулся в гробу.

* * *

Первый роман Капоте «Другие голоса, другие комнаты» в 1948 году стал сенсацией. Даже одиозная «Литературная газета» посвятила ему один из своих обзоров.

«[Капоте] точно улавливает “веяния времени” и, занимаясь поставкой своего “товара”, уверенно спекулирует на “трудном”, но высоко котирующемся в современной капиталистической Америке “искусстве изображения всевозможных извращений и разложения”. И если для этой цели автору приходится изображать даже свою собственную персону в виде законченного дегенерата, да еще вдобавок “лежащего совершенно без движения”, он готов это делать без всяких колебаний»¹.

¹ Розанов Боаз. Под знаком одичания. «Литературная газета» № 74. Среда, 15 сентября 1948 г. – С. 4. – *Здесь и далее примеч. автора.*

Советский рецензент не объяснил читателям, что он подразумевал под фразой «лежащий без движения», а ведь речь шла о знаменитой фотографии писателя, наделавшей столько шума на Западе и так возмущившей критика.

В 1947 году Трумен часто посещал нью-йоркскую квартиру гей-пары Эндрю Линдона и Гарольда Хальмы. Последний был талантливым фотографом, работавшим для популярных журналов. В его гостиной стояла кушетка, на которой Капоте обожал потягивать «мартини» и обсуждать с друзьями последние новости. Хальма запечатлел как раз один из таких моментов. На снимке рука у Трумена безвольно лежит на ширинке, а в томном взгляде угадывается скрытая сексуальность.

Когда «Другие голоса, другие комнаты» появились на полках книжных магазинов, пуританская Америка усмотрела в фотографии, размещенной на суперобложке, вызов общественной морали. В те времена андрогинность воспринималась как нечто непристойное. К такой откровенности публика не была готова.

Первое время критика осторожничала. Книгу не рекомендовали к распространению в библиотеках, но потом общественное мнение изменилось. Люди будто бы вчитались. В этой топкой вязи слов они увидели пронзительную историю о взрослении, полную невыразимого очарования и символизма. Роман стал хорошо расходиться, а вокруг автора возникла шумиха.

Кто этот молодой человек? Откуда он взялся? На Трумена посыпались просьбы об интервью: журналы «Лайф» и «Пари матч», книжный обзор «Нью-Йорк таймс», затем «Вог» и «Харперс базар». Писатель не без удовольствия рассказывал о своем одиноком детстве, о том, как в одиннадцать лет был усыновлен кубинским бизнесменом Джо Капоте (вторым мужем Лилли Мей). Наконец все узнали, как правильно следует произносить эту странную фамилию: *Ka-y-no-ti* – как чай (tea) на конце.

Первый крупный гонорар молодой автор потратил на путешествия. Весной 1948 года Трумен прибыл в Европу. В Париже его ждали Альбер Камю, который стал литературным редактором французского издания «Других голосов», а также поэтесса Натали Барни и редактор Гертруды Стайн Алиса Токлас. Про всех этих людей Трумен потом расскажет в «Услышанных молитвах».

Жан Кокто представил его Сидони-Габриэль Колетт. О встрече с легендой французской литературы Капоте напишет автобиографический очерк «Белая роза» (1971) и, конечно, не забудет упомянуть в «Услышанных молитвах», но уже от лица альтерэго писателя – рассказчика П. Б. Джонса².

«Мы с П.Б. разные, но психологически я могу отождествлять себя с ним. Я не П. Б. Джонс, но очень близко с ним знаком», – объяснял Капоте.

Там же, в Париже, история со скандальным снимком на суперобложке получила неожиданное продолжение. Как-то вечером Трумену передали странную записку, в которой было всего одно слово – «Приходи» и адрес: рю-дю-Бак, 44. Явившегося на свидание юного автора встречал сам Денем Фаутс, красавец и бонвиван, вскруживший голову многим известным современникам. Трумен прозвал Денема «самым желанным парнем на свете». Вот уж кто действительно обладал сексуальной харизмой, перед которой мало кому удалось устоять. Фаутс был музой для писателей Кристофера Ишервуда, Гора Видала, Гэвина Ламберта, Сомерсета Моэма... По нему сходили с ума аристократы, монаршьи особы, богатые наследники и знаменитые плейбои. Но к тому времени, когда Капоте с ним встретился, Денем уже стал законченным наркоманом. Своими декадентскими манерами он навевал страх, а не восхищение. Со свидания писатель вернулся разочарованным.

² Как отмечал Капоте в своих черновиках, П.Б. расшифровывается как Пол Баньян (Paul Bunyan) – так зовут персонажа американского фольклора, вымышленного гигантского дровосека, ставшего символом силы. В массовой культуре образ лесоруба появился в 1924 году благодаря рекламной кампании продуктов питания. Кроме того, стихи о мифическом Поле Баньяне писали американские поэты Роберт Фрост и Ричард Уилбур.

История жизни Денема Фаутса имеет параллели с некоторыми деталями биографии П. Б. Джонса. Оба отчаянно искали место под солнцем, прокладывая путь через чужие постели.

В «Услышанных молитвах» автор не стал прятать Фаутса за псевдонимом, как и не стал скрывать имени его главного благодетеля – английского аристократа и коллекционера Питера Уотсона (1908–1956). Их любовная связь с переменным успехом длилась более десяти лет и закончилась довольно нелепо. Накануне Рождества 1948 года «самый желанный парень на свете» умер в забвении в дешевой римской гостинице. Питер Уотсон пережил Денема всего на восемь лет. 3 мая 1956 года он был найден утонувшим в собственной ванне. В убийстве подозревали его любовника – американского моряка Нормана Фаулера, который унаследовал большую часть состояния Уотсона и спустя пятнадцать лет был обнаружен мертвым при аналогичных обстоятельствах.

* * *

Новелла «Завтрак у Тиффани», вышедшая в свет в 1958 году, закрепила за Труменом славу человека талантливого и неординарного. Писатель Норман Мейлер назвал историю совершенным литературным произведением, а другие коллеги признали в Капоте искусного стилиста. Его сочный и живой язык стал эталоном того, как вообще нужно писать.

Недовольным оказался лишь Уильям Гойен (1915–1983), автор сборников рассказов, пьес и пяти романов, которые так и не снискали широкого внимания публики.

Гойен называл себя другом Капоте, однако его откровенно хамская рецензия на книгу ««Завтрак у Тиффани» и другие рассказы» шокировала писателя. Трумен не простил Уильяму такой подлости и спустя восемнадцать лет решил поквитаться.

Капоте прекрасно знал про любовную связь Гойена с гранд-дамой американской литературы Кэтрин Энн Портер (1890–1980). Их роман длился два года. Уильяму в то время было тридцать пять, ей – шестьдесят лет. Кэтрин помогала Гойену получать гранты от всевозможных фондов, писала хвалебные рецензии на его книги, но это не принесло автору желанной известности. Кроме того, Гойен оказался бисексуалом, а Портер никак не могла смириться с тем, что возлюбленный сбегал от нее к мужчинам. В итоге они расстались, подарив Трумену отличный повод рассказать про их нелепый союз в одной из глав «Услышанных молитв». Кэтрин Энн Портер получила имя Элис Ли Лэнгман, а Гойен в этой части истории стал самим П. Б. Джонсом. Месть удалась – многие современники без труда догадались, о ком Капоте так залихватски скабрезничал.

Все это случится намного позже, а тогда, в 1958 году, писатель пожинал плоды своей популярности. Он продал права на экранизацию «Завтрака у Тиффани» и очень надеялся сыграть в фильме вместе с Мэрилин Монро. Но главный успех заключался в другом. Оказалось, что половина манхэттенских красавиц узнала себя в Холли Голайтли – героине новеллы.

Глория Гиннесс, Кэрол Маркус, Уна О’Нилл, Дорис Лилли, Глория Вандербильт, Дориан Лей... каждая из «лебедушек» Капоте (так он называл своих обожаемых подруг) наперебой шептала знакомым, что Холли – это она. Кажется, теперь ему наконец удалось добиться признания богатых и знаменитых.

В ответ на домыслы об истинном прототипе Холли Голайтли Трумен лишь хитро улыбался. Одна мысль не давала ему покоя: коль многие из его «лебедушек» так страстно желают попасть в большую литературу, почему бы не сделать их героями светского романа в стиле Марселя Пруста?

В прустовской эпопее «В поисках утраченного времени» все эти дамы полусвета, хозяйки светских салонов, герцогини, бароны и принцы имели в жизни реальных прототипов. Автор не пожалел сатирических красок ни для изображения черствости и высокомерия светских людей, ни для описания простодушной жестокости служанок и гризеток. Действие француз-

ского романа разворачивалось на рубеже XIX–XX столетий. Полвека минуло, а светская жизнь почти не изменилась: все то же высокомерие, маскируемое правилами хорошего тона, расовая нетерпимость и классовые предрассудки.

Идея лежала на поверхности, и Капоте за нее ухватился. Он набросал план восьми глав и составил примерный список героев. Название «Услышанные молитвы» подсказало популярное в протестантских кругах изречение Святой Терезы Авильской: «Больше слез пролито из-за услышанных молитв, нежели из-за тех, что остались без ответа».

Трумен знал цену исполненным желаниям каждой из его многочисленных подружек. Необходимость изображать счастливый брак на фоне постоянных измен мужа, бесконечная борьба за влияние и превосходство, потребность быть той, кем ты не являешься, при этом совершенно некому доверить свои тайны. Кругом обман и лицемерие. И вдруг, среди тотального притворства, – блещущий остроумием южанин, совершенно искренний и настоящий, умеющий слушать и давать дельные советы. Писатель всегда располагал к интимному общению. Немудрено, что он стал хранителем их секретов.

«Это будет черная комедия о богатых и знаменитых», – решил Капоте и начал собирать истории «избалованных монстров». Благо, герои сами открыли ему двери особняков и загородных поместий, пустили на борт своих дорогих яхт и частных самолетов.

«Моя книга – своего рода *roman á clef*³, взятый из жизни, но наполненный художественными элементами, созданный при равном участии моего воображения и журналистского опыта. Не стоит считать, что описанные события происходили именно с этими людьми, нет. Но, так или иначе, они имели место», – признавался Капоте⁴.

Работа по сбору фактов едва успела начаться, когда писателя неожиданно увлек другой проект. От богатых и знаменитых он обратился к бедным и безвестным.

Осенью 1959 года в газете «Нью-Йорк таймс» Капоте прочитал об одном странном преступлении: «Убита семья канзасского фермера, следы взлома отсутствовали, из дома ничего не украдено». Удивляла жестокость, с которой расправились с людьми: это было совершенно хладнокровное убийство. Кто способен на подобное зверство? Какие тайны скрывают жители провинциального Холкомба?

Ответы на эти вопросы оказались важнее романа о светской жизни.

* * *

«Хладнокровное убийство» стало прорывом в жанре документальной прозы, созданной с элементами художественного стиля. Авторское «я» в романе отсутствовало, а метод реконструкции событий, описанных от лица разных персонажей, выглядел новаторским.

Книга получила всеобщее признание. Даже в СССР роман был переведен почти сразу, хотя и публиковался в «Иностранной литературе» с некоторыми сокращениями.

К 1966 году Капоте стал миллионером. Он приобрел роскошные апартаменты в небоскребе напротив здания ООН в Нью-Йорке. На том же 22-м этаже поселились Роберт Кеннеди и популярный телеведущий Джонни Карсон. Супруга Карсона тоже нашла в Трумене доверенное лицо и частенько рассказывала об изменах мужа (писатель выведет эту парочку в «Услышанных молитвах» под именами Бобби и Джейн).

Отметить успех «Хладнокровного убийства» Капоте решил в большом зале гостиницы «Плаза» в центре Манхэттена. И хотя официальной хозяйкой вечера была провозглашена Кэтрин Грэм (издатель газеты «Вашингтон пост»), все понимали, кто истинный распорядитель мероприятия.

³ Дословно – «роман с ключом» – светские романы, в которых за условными персонажами угадывались реальные люди.

⁴ Norden Eric. Truman Capote: An Interview. *Entertainment Gallery*. March, 1973. P. 37. (Перевод Алёны Хохловой.)

Гости должны были явиться на бал в масках и нарядах в стиле персонажей фильма «Моя прекрасная леди» (1964). Каждого участника Трумена отбирал лично. Те, кто не получил приглашения, автоматически попали в группу светских изгоев. Многие из них были этим оскорблены и затаили тихую обиду.

Вечеринка века получила название «Черно-Белый бал Трумена Капоте» и стала главным событием осени 1966 года. Пятьсот приглашенных, и все до единого из высшего общества. Складывалось впечатление, что перед новым стартом Капоте решил собрать в одном месте всех героев будущего романа.

Тем не менее работа над «Услышанными молитвами» откладывалась. Сначала писатель пропал в Канзасе, на съемочной площадке фильма «Хладнокровное убийство». Затем Трумену поступило интересное предложение от телекомпании «АВС». Режиссер Фрэнк Пэрри решил снять фильм по новелле «Вспоминая Рождество». На роль Соук он пригласил прославленную актрису Джеральдин Пейдж. Идея Капоте понравилась, как и решение снимать картину в местах его детства.

В итоге фильм собрал множество призов и был тепло встречен зрителями. Многим захотелось увидеть продолжение приключений маленького Трумена и его великовозрастной подружки. Капоте срочно сел писать новый рассказ. История получила название «Незванный гость» («The Thanksgiving Visitor») и после публикации в журнале «Макколс» была экранизирована той же командой. И вновь громкий успех и разговоры про одаренность автора.

Казалось, что дальше его ждет триумф и слава нового Пруста, но все вышло как нельзя хуже.

* * *

Осенью 1972 года журнал «Эсквайр» опубликовал первую строчку из романа «Услышанные молитвы». Это должно было убедить читателей, что работа над многообещающим проектом близится к завершению.

На самом деле, кроме отдельных набросков и первоначального плана, у писателя на тот момент не было ничего. Зато был подписанный контракт с издательством «Рэндом хаус» и 25 тысяч долларов аванса. Кроме того, кинокомпания «XX век фокс» за 200 тысяч долларов выкупила права на экранизацию. С финансовой точки зрения все складывалось хорошо, а с творческой...

В общей сложности Капоте четыре раза переносил сроки сдачи романа, а гонорар за ненаписанный сценарий пришлось вернуть Голливуду. Признаться, автор и сам запутался в этом хаосе из черновиков, писем и личных воспоминаний. Пришло время упорядочить то, что он столько лет держал в голове.

«Я начал работать над книгой с последней главы: всегда полезно знать, куда идешь. Потом написал первую главу “Неизбалованные монстры”, потом пятую – “Тяжелое поражение мозга”. Потом седьмую – “Ужин в ресторане «Берег Басков»”. И продолжал в том же духе, сочиняя главы не по порядку. Удавалось это только потому, что фабула, вернее, фабулы, были взяты из жизни, действующие лица – реальные люди, и было нетрудно все держать в голове, поскольку я ничего не выдумывал»⁵.

Редактор «Ньюйоркера» предложил хороший гонорар за публикацию одной из глав широко разрекламированного романа, но кто-то из друзей сказал, что снобистский журнал нынче читают только в очереди к стоматологу. Капоте это не устроило. Он искал выход на более молодую аудиторию.

⁵ Цит. по: Предисловие к сборнику «Музыка для хамелеонов». В кн.: *Капоте Т. Призраки в солнечном свете: Портреты и наблюдения.* – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2017. – С. 622. (Перевод Виктора Голышева.)

«Эсквайр» согласился заплатить шестнадцать тысяч долларов (на две тысячи меньше, чем «Ньюйоркер»), зато предоставил писателю право вносить изменения на любом этапе верстки и пообещал Трумену две обложки.

В июне 1975 года свет увидела «Мохаве» – глава, которая по плану шла второй в романе, но именно ей суждено было стать первым отрывком «Услышанных молитв», представленным на суд публики.

Увы, читатели вместе с критиками историю не оценили. «“Мохаве” смотрится замшелое. Автор потерял форму, и текст наглядно это демонстрирует. Перед нами не более чем проблески самолюбования», – заметил обозреватель «Бостон глоб»⁶. Спустя пять лет писатель вообще исключил «Мохаве» из «Услышанных молитв», сделав главу самостоятельным рассказом для сборника «Музыка для хамелеонов» (1980).

Раздосадованный такой реакцией публики, Капоте решил пойти ва-банк. К осени того же года он подготовил новый фрагмент для «Эсквайра». Глава называлась «Ужин в ресторане “Берег Басков”». Трумен дал почитать ее нескольким знакомым. Друзья попытались отговорить его печатать столь откровенный текст: героини слишком узнаваемы, скандал неминуем, но Капоте отмахнулся: «Люди глупы и в жизни не догадаются, кто есть кто».

Гром грянул за десять дней до выхода журнала. Одна из героинь «Берега Басков» покончила с собой. Притом что сам текст она даже не читала. Хватило информации о планах Капоте поведать ее скандальную историю на страницах «Эсквайра».

Смерть прототипа шокировала Трумена, но это стало лишь началом череды скандалов, к которым писатель не был готов.

* * *

Светская львица Энн Вудворд (1915–1975) после «случайного» убийства своего богатого супруга отправилась в Европу, дабы не мозолить глаза нью-йоркским журналистам. Пусть страсти улягутся. К удивлению многих, суд признал происшествие несчастным случаем и отпустил Энн на все четыре стороны.

Состоятельная вдова поместила сыновей в школы-интернаты Швейцарии, а сама решила задержаться на французском курорте.

...Инцидент произошел в одном из кафе в Биаррице. Кто-то показал ей прославленного автора Трумена Капоте, сидевшего за соседним столиком. «Ах вот как выглядит этот педик», – громко воскликнула Энн и рассмеялась.

Капоте сделал вид, что не услышал оскорбления. На следующий день, столкнувшись с Энн в фойе гостиницы, Трумен направил на нее свой указательный палец, изображая дуло пистолета, и сардонически заметил: «Ах вот как выглядит миссис Пиф-Паф». Очевидцы подумали, что конфликт на этом исчерпан. Однако Трумен так не считал.

Спустя много лет он сделал миссис Вудворд одной из героинь главы «Ужин в ресторане “Берег Басков”». Он даже не стал менять имя безжалостной охотницы за деньгами. В книге ее звали Энн Хопкинс. Как оказалось, все это время писатель собирал информацию об убийстве Уильяма Вудворда, совершенном Энн в октябре 1955 года. Он расспрашивал друзей и знакомых, делал вырезки из газет и даже заказал копию полицейского отчета, в котором содержались свидетельские показания любовниц мистера Вудворда. Трумен кропотливо собирал фактуру, чтобы однажды поведать миру о том, кем на самом деле была Ангелина Кроуэлл, стриптизерша, ставшая дамой света.

В начале октября 1975 года близкий друг сообщил Энн, что «Эсквайр» собирается опубликовать материал Капоте, где подзабытая история о «выстреле века» вновь окажется в цен-

⁶ McCabe Bruce. The Lit'ry Life. Boston Globe. May 24, 1975. P. 6.

тре внимания. Вудворд не стала дожидаться выхода журнала. Она приняла душ, надела новое платье, накрутила волосы, выпила таблетку цианида и легла в постель. Утром 10 октября остывшее тело обнаружила горничная.

Спустя шесть недель после похорон Энн ее свекровь заметила: «Вот и всё: она застрелила моего сына, а Трумен убил ее. Теперь, я полагаю, мне можно успокоиться».

Но до покоя этой семье было еще далеко. Через три года после смерти Энн ее 31-летний сын Джимми выбросился из окна, а в 1999 году второй сын Уильям покончил с собой тем же способом.

* * *

«В тот день я в блаженном неведении отдыхала в гостиной, – писала Слим Кит в своей биографии. – Вдруг зазвонил телефон. Это была Бейб Пэйли. “Ты уже читала фрагмент из романа Трумена?” – спросила она с волнением, и по ее тону я поняла, что дело нечисто. “Еще нет”, – ответила я. “Тогда сходи почитай, а потом перезвони”. Часом позже у меня отвисла челюсть. Я не могла поверить, что меня так одурачили, что Трумен использовал нашу дружбу для своих омерзительных целей. Увы, я потеряла друга»⁷.

Леди Кит, ставшая прототипом Айны Кулбарт, с грустью вспоминала ту осень 1975 года. «Если бы глава [«Берег Басков»] была написана лучше, я бы изменила свое мнение, но в ней нет и намёка на стиль Марселя Пруста. Создавалось впечатление, что хирург провел операцию садовыми ножницами. Куда делись его деликатность, утонченность, изысканность слога? Трумен словно выронил скальпель и попросил вместо него гаечный ключ. Он променял свой прекрасный стиль на нечто чуждое»⁸.

Светская львица Бейб Пэйли, ставшая прототипом Клео Диллон, к сожалению, не оставила воспоминаний, но и без них понятно, когда и как завершились ее отношения с писателем.

Двадцать лет дружбы перечеркнула грязная история о связи ее мужа Уильяма Пэйли с женой губернатора Маргарет Рокфеллер (1926–2015). Трумен описал ее на страницах «Эсквайра» во всех подробностях.

Как он мог обмануть ее доверие? Ведь он так обожал Бейб! Пусть муж – предатель, но его измены – только ее проблема. Зачем он унизил ее? Зачем вообще стал рассказывать то, о чем было поведано в минуты отчаяния?

Трумен напоминал горе-священника, который приторговывал исповедальными тайнами своих прихожан. Ни Бейб, ни Слим, ни Глория Вандербилт больше с ним не общались, а все попытки писателя объясниться окончились полным провалом. Похоже, он зашел слишком далеко.

В один момент Капоте стал персоной нон грата. Его больше не приглашали на светские рауты, не звали покататься на яхте, ему даже не подавали руки при встрече. Прежнюю популярность затмила дурная слава «маленькой бестии», как стали именовать его журналисты. «Предатель», «мерзкий гомик», «грязная жаба» – вот лишь малая часть унижительных кличек, которыми его наградили бывшие друзья. Это была катастрофа.

Черную комедию восприняли как циничный и злобный фарс, написанный к тому же плохим языком. «Услышанные молитвы» поняли превратно, а концепция романа многим показалась крайне сомнительной. Стоит ли тогда продолжать? Но он продолжил. И спасти Трумена больше никто не решился. Старые друзья отвернулись, а новых он пока не завел.

Глава «Неизбалованные монстры» вышла в свет в мае 1976 года. На обложке «Эсквайра» красовался сам Капоте, одетый в элегантное пальто и черную шляпу. В руках он держал остро

⁷ Keith Slim with Annette Tapert. *Memories of a Rich and Imperfect Life*. Simon & Schuster. N.Y. 1990. P. 237–238.

⁸ Keith Slim with Annette Tapert. *Memories of a Rich and Imperfect Life*. Simon & Schuster. N.Y. 1990. P. 237–238.

заточенный стилет – намек на колкую прозу автора. Выражение его лица не предвещало ничего хорошего.

В этой части истории Трумен беззастенчиво прошелся по личности эксцентричного драматурга Теннесси Уильямса, изобразив его под именем мистера Уоллеса; затем плохо отозвался о галеристке Пегги Гуггенхайм, в венецианском палаццо которой он однажды укрылся, чтобы закончить работу над репортажем о России «Музы слышны» (1956). С нескрываемой иронией Капоте описал экстравагантные манеры богатой наследницы Барбары Хаттон и дал нелестную характеристику чилийскому промышленнику Артуро Лопесу-Уилшоу, сделавшему состояние на птичьем дерьме.

Еще одна близкая подруга писателя, Марелла Аньелли, вспоминала: «Я пыталась его предостеречь тогда, на яхте, когда он показал мне отрывок из будущей книги. То, что он написал, оказалось очень поверхностным. Я помню, как однажды довольно откровенно сказала ему: “Трумен, это просто колонка сплетен. Во что ты ввязался?”»⁹.

И вновь светское общество оказалось в замешательстве. Зачем он это делает?

Композитор Нед Рорем, которого писатель не стал прятать за псевдонимом, с грустью отметил: «Трумен описывает таких важных людей и не находит для них ни одного доброго слова. Все, о чем автор способен говорить, – это секс. И меня это тревожит. Похоже, он занимается саморазрушением. Я действительно не понимаю, чего он добивается?»¹⁰

К сожалению, никто из друзей не разгадал психологического трюка, на который пошел писатель, рискнув своей репутацией. А ведь концепция романа спрятана в его эпиграфе: «Больше слез пролито из-за услышанных молитв, нежели из-за тех, что остались без ответа». Люди несовершенны в своих желаниях и зачастую хотят того, что в итоге делает их несчастными. Ради исполнения мечты они готовы спать с нелюбимыми, отказываться от собственного «Я», быть игрушкой в чужих руках, терпеть, страдать и вновь желать чего-то совершенно чуждого их природе.

Писатель устал от такого лицемерия. Он собрал в своем романе всех, кого знал, о ком был наслышан, и показал оборотную сторону золотой медали. Капоте писал о тех, чья глянцевая жизнь стала сделкой с совестью.

Даже скабрзные истории поданы в книге не ради смакования интимных подробностей, а с целью растормошить людей, заставить их задуматься над собственной жизнью.

«Исполнение мечты – чаще всего не начало, а конец счастья, – признавался Трумен в интервью. – И все мы участвуем в этой круговерти желаний: в тот момент, когда одно сбывается, на его место приходит другое, и мы опять бежим за новой мечтой... Думаю, в этом заключается один из смыслов “Услышанных молитв”: не быть избалованным, развивать в себе безразличие к такой жизни, которая может показаться захватывающей и чарующей, особенно если ты ею не жил»¹¹.

Эту идею писатель отстаивал и в следующей публикации, появившейся в декабре 1976 года. Капоте продолжал сыпать именами плейбоев и светских львиц в главе «Кейт Макклауд».

«В книге сотни персонажей, и каждый из них с легкостью узнает себя. Это единственный роман, который нужно выпустить с алфавитным указателем, чтобы избавить всех моих героев от необходимости читать произведение целиком»¹².

Прототипом Кейт Макклауд автор выбрал «Несравненную Мону фон Бисмарк» – дочь лошади, ставшую иконой стиля. Ее судьба всегда завораживала Капоте. В конце сороковых он однажды имел честь отужинать с Моной в ее роскошных апартаментах на Пятой авеню. С

⁹ Agnelli Marella. Becoming an Agnelli. *Vanity Fair*. September, 2014. P. 299.

¹⁰ Цит. по: Clarke Gerald. Capote: A Biography. Simon & Schuster. N.Y. 1988. P. 490.

¹¹ Norden Eric. Truman Capote: An Interview. *Entertainment Gallery*. March, 1973. P. 37. (Перевод Алёны Хохловой.)

¹² Там же. (Перевод Алёны Хохловой.)

тех пор писатель живо интересовался этой женщиной с восхитительной кожей и огромными аквамаринными глазами.

Правда, когда Трумен писал о ней в 1976 году, Моне на тот момент уже исполнилось 79 лет. Она мирно жила на острове Капри и даже не удостоила комментарием скандальный опус знаменитого автора.

В той же главе Трумен вволю поиздевался над «священными старухами» театрального мира Америки – Таллулой Бенкхэд и Эстель Уинвуд, – раскрыл постыдный секрет Монтгомери Клифта и вновь коснулся темного прошлого «Черной графини» Перлы Апфельдорф, в которой легко угадывалась светская красавица Глория Гиннесс.

Стоит признать, Капоте выбрал не самый простой способ достучаться до друзей и знакомых. Он сделал это через боль, посредством злого колючего текста. К сожалению, большинство увидели в этом попытку перетрясти грязное белье ради дешевого успеха. Концепцию романа поняли лишь единицы. Их голоса заглушили недовольные крики тех, о ком он писал.

Теннесси Уильямс сначала даже не поверил, что текст вышел из-под пера его друга. Вместо того чтобы оценить авторский прием, драматург недовольно заметил: «То, что написал Капоте, ужасно отвратительно и выглядит совершенно клеветнически. Он чудовище первой гильдии и в глубине души – хладнокровный убийца»¹³.

* * *

«В сентябре 1977 года я прекратил работу над “Услышанными молитвами”, и это никак не было связано с реакцией людей на опубликованные части книги, – признался Капоте спустя несколько лет. – Остановка произошла, потому что у меня случилась чертовская неприятность: я переживал и творческий, и личный кризис одновременно. <...> Снова и снова я перечитывал все, что написал в “Услышанных молитвах”, и засомневался – не в материале и моем к нему подходе, а в самой текстуре письма. <...> Я вернулся к роману. Убрал одну главу и переписал две другие. Стало лучше, определенно лучше»¹⁴. А потом эти записи куда-то исчезли.

После смерти писателя биограф Джеральд Кларк вместе с адвокатом Аланом Шварцем и редактором Джо Фоксом обыскали нью-йоркскую квартиру Капоте. Следов рукописи найти не удалось. Затем они заглянули в каждый угол летнего домика на Лонг-Айленде. И там пусто. Но ведь столько друзей вспоминали, как Трумен зачитывал им целые куски из завершеного романа. Где же теперь этот восьмисотстраничный текст?

Вопрос до сих пор остается открытым.

Джеральд Кларк не верит в то, что рукопись вообще существует. Он полагает, что писатель всех обманул, делая вид, что работает. На самом деле, кроме вышедших в «Эскайре» четырех фрагментов, других глав просто нет.

Редактор «Рэндом хаус» считает, что Капоте уничтожил свое произведение: сжег, выбросил, намеренно забыл в такси или гостиничном номере. Он уже проделывал нечто подобное с рукописью первой повести «Летний круиз». Ее потом случайно нашли в личных вещах человека, у которого Трумен арендовал квартиру в Бруклине. В 2004 году «Летний круиз» вышел в свет и стал литературной сенсацией.

Близкая подруга Джоан Карсон, в доме которой Капоте скончался 25 августа 1984 года, как-то призналась, что Трумен упоминал в разговоре некую банковскую ячейку – якобы там хранится манускрипт «Услышанных молитв» и однажды он будет обнаружен. Но других деталей Капоте не сообщил.

¹³ Цит. по: Clarke Gerald. Capote: A Biography. Simon & Schuster. N.Y. 1988. P. 489.

¹⁴ Цит. по: Предисловие к сборнику «Музыка для хамелеонов». В кн.: Капоте Т. Призраки в солнечном свете: Портреты и наблюдения. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2017. – С. 623–624. (Перевод Виктора Голышева.)

Какому из трех свидетельств стоит доверять – не совсем понятно. Каждый уверен в том, во что писатель заставил их поверить. И каждая версия может оказаться правдой.

Поклонники Капоте все же надеются, что рукопись когда-нибудь найдется и мы сможем прочесть роман в том виде, в котором он и был задуман.

А пока у нас есть лишь несколько глав, расположенных в хронологической последовательности, – именно такая версия «неоконченного романа Капоте» вышла в США в 1987 году. Она же и предлагается сегодня вниманию российских читателей.

*Денис Захаров,
исследователь творчества писателя,
кандидат исторических наук*

Услышанные молитвы

*Больше слез пролито из-за услышанных молитв, нежели из-за тех,
что остались без ответа.
Святая Тереза Авильская*

Часть первая. Неизбалованные монстры

Живет в нашем мире незаурядный философ по имени Флори Ротондо.

Недавно я случайно наткнулся в журнале на одно ее высказывание, опубликованное в рубрике детских сочинений. Вот оно: «Если бы я могла делать все, что угодно, я отправилась бы в самый центр нашей планеты Земля на поиски урана, рубинов и золота. Еще я попробовала бы отыскать там Неизбалованных монстров. А потом уехала бы жить в деревню. Флори Ротондо, 8 лет».

Флори, родная, я прекрасно знаю, что ты имеешь в виду, – даже если ты сама пока этого не знаешь (да и откуда тебе, восьмилетней, знать?).

Дело в том, что я уже побывал в центре нашей планеты; во всяком случае, пережил все злоключения, какие могли бы поджидать меня на подобном пути. Я искал уран, рубины, золото и попутно наблюдал за другими такими же искателями. И представь себе, Флори, я встречал Неизбалованных монстров! И Избалованных тоже. Но Неизбалованные – это большая редкость, диковина, белые трюфели в сравнении с черными, горькая дикая спаржа в сравнении с тепличной. Единственное, чего я не удосужился сделать, так это уехать жить в деревню.

Между прочим, эти строки я пишу на казенной бумаге: месяц назад я поселился в манхэттенской общаге Ассоциации молодых христиан. Комната моя с видом в никуда находится на втором этаже. Вообще я предпочел бы шестой этаж – если уж задумаю сигануть в окно, это может существенно повлиять на успех предприятия. Вероятно, все-таки сменю комнату. А может, и нет. Я ведь трусоват. Правда, не настолько, чтобы выброситься из окна.

Зовут меня П. Б. Джонс, и я в нерешительности: поведать вам о себе прямо сейчас или понемногу вплетать необходимые факты в повествование. А еще можно вообще ничего не рассказывать или открыть лишь самую малость, ведь я привык считать себя репортером, а не сколько-нибудь значимым участником событий. Но, вероятно, проще все-таки начать с себя.

Итак, как я уже сказал, меня зовут П. Б. Джонс. Мне то ли тридцать пять, то ли тридцать шесть лет – точная дата моего рождения неизвестна, как и имена моих родителей. Известно, что меня – новорожденного – подбросили на балкон театра-варьете в Сент-Луисе. Это случилось 20 января 1936 года. Рос я под надзором католических монахинь, в сиротском приюте, угрюмое кирпичное здание которого возвышалось над Миссисипи.

Монахини души во мне не чаяли – еще бы, такой умница и очаровашка. Они упорно не замечали моего коварства и двуличия, не понимали, как глубоко я презирал их серость, их запахи: ладан и помои, свечи и креозот. Белые пятна пота на черных одеждах. Одна из них мне даже нравилась, сестра Марта, – она преподавала английский и была так уверена в моем писательском даре, что заразила этой уверенностью меня самого. И все же, сбежав из приюта, я не оставил ей даже записки и больше никогда не пытался выйти на связь – еще одно типичное проявление моей черствой беспринципной натуры.

Я поехал по стране автостопом – без всякой цели. Однажды меня подобрал водитель белого «Кадиллака» – верзила со сломанным носом и багровой веснушчатой мордой ирландца. На педика он не был похож, но именно им и оказался. Сперва спросил, куда я держу путь (я

лишь пожал плечами), затем пожелал знать, сколько мне лет. Я ответил, что восемнадцать, хотя мне было на три года меньше. Тогда он ухмыльнулся и сказал:

– Я не из тех, кто растлевет несовершеннолетних.

Ну-ну. Было бы кого растлевет!

– Ты симпатичный, – мрачно добавил он.

Что правда, то правда: я был небольшого роста (тогда – пять футов семь дюймов¹⁵, потом еще подросток на дюйм), но крепкий и хорошо сложенный; русые кудри, карие глаза в зеленую крапинку и выразительно очерченное лицо. Я любил разглядывать себя в зеркале, занятие это неизменно придавало мне сил. Словом, Нед, решив подкатить, надеялся лишить меня девственности. Хо-хо! Начиная лет с семи или восьми я охотно предавался самым разнообразным сексуальным утехам со старшими мальчиками, священниками и даже чернокожим красавцем-садовником. Из меня получилась отменная потаскуха: за шоколадку я был готов на что угодно.

Забавно, я даже не помню фамилии Неда, хотя прожил с ним несколько месяцев. Эймс, что ли?.. Он был старшим массажистом при большой гостинице в Майами-бич – из тех, что выкрашены в цвет пломбира и названы на французский манер в расчете на еврейскую публику. Нед обучил меня своему ремеслу, и, бросив его, я стал промышлять массажем сразу в нескольких местных гостиницах. Еще у меня появились частные клиенты обоого пола, которых я массажировал и обучал упражнениям для лица и тела. Впрочем, поверьте, упражнения для лица – пустая трата времени, единственное эффективное занятие – сосание члена. Честное слово, лучше средства для укрепления линии подбородка я не знаю.

С моей помощью Агнес Бирбом сделала себе восхитительный овал лица. Миссис Бирбом была вдовой детройтского стоматолога, который вышел на пенсию и переехал в Форт-Лодердейл, курортный городок на восточном побережье Флориды, где с ним незамедлительно случился инфаркт. Богачкой она не была, но и в деньгах не нуждалась – а вот массаж спины ей бы не повредил. Я вошел в ее жизнь для облегчения болезненных мышечных спазмов и пробыл там достаточно долго, чтобы скопить (спасибо подаркам, полученным сверх установленной платы) около десяти тысяч долларов.

Вот когда следовало уезжать в деревню.

Вместо этого я купил билет на междугородный автобус и отправился в Нью-Йорк – с одним-единственным чемоданом, в котором не было ничего, кроме нижнего белья, рубашек, туалетных принадлежностей и множества блокнотов, куда я записывал свои стихи и немногочисленные рассказы. Стоял октябрь, мне было восемнадцать, и я на всю жизнь запомнил октябрьское мерцание Манхэттена в тот вечер, когда мой автобус въезжал в город сквозь вонючие топи Нью-Джерси. Как сказал бы Томас Вулф, некогда почитаемый, а ныне забытый кумир: «О, сколь много обещали эти окна, холодно-пламенные в зыбком сиянии закатного осеннего солнца!»

Потом я влюблялся и в другие города, но лишь оргазм длиною в час мог бы превзойти то счастье, которое я испытывал на протяжении всего первого года жизни в Нью-Йорке. А потом... потом я женился.

Быть может, я хотел получить в жены сам город – даруемое им счастье, предчувствие неминуемой славы и богатства. Увы, женился я на девушке, бескровной, белобрюхой, волоокой амазонке с белокурыми косами. Мы вместе учились в Колумбийском университете, где я посещал семинары по писательскому мастерству Марты Фоули – той самой, что основала журнал «Стори». В Хулге (да-да, я в курсе, что Хулгой звали героиню Фланнери О'Коннор, но я не стащил у нее имя, это просто совпадение) мне нравилось только одно: ее готовность без устали слушать, как я читаю вслух свою писанину. Суть моих тогдашних рассказов являла

¹⁵ 170 см. – Здесь и далее примеч. пер.

собой прямую противоположность моему характеру – то есть они были нежными и *triste*¹⁶, но Хулга искренне их любила, и ее восхитительные лиловые глаза под конец чтения всякий раз наполнялись лстившими мне слезами.

Вскоре после свадьбы я разгадал причину ее чудесной безмятежной волоокости. Она была дурой. Или почти. Слегка умственно отсталой, это как пить дать. Старая, скучная, нескладная Хулга... и в то же время такая изящная, такая чистенькая и жеманная – хозяйшкa. Она понятия не имела, как я к ней отношусь, пока не настало Рождество и к нам приехали погостить ее родители – шведы-зверюги из Миннесоты, исполинская парочка вдвое крупнее дочурки. Мы тогда жили в однушке неподалеку от квартала Морнингсайд-Хайтс. Хулга зачем-то купила огромную разлапистую елку под стать Рокфеллер-центру, занявшую почти всю нашу квартирку от пола до потолка и от стены до стены. Чертова тварь высасывала из воздуха весь кислород! А уж как Хулга хлопотала и сколько денег извела на это вулвортское дерьмо! Я, кстати, ненавижу Рождество, и причиной тому (уж простите меня за душещипательное отступление) – одна крайне досадная история, приключившаяся со мной в приюте. Итак, в самый сочельник, за несколько минут до приезда родителей Хулги аккурат к святочной кадрили я внезапно вышел из себя: опрокинул чертово дерево и начал по кускам отправлять его в окно под вспышки сгорающих предохранителей и звон бьющихся гирлянд. Все это время Хулга редела, как разъяренный вепрь. (Внимание, студенты-филологи! Аллитерация – вы заметили? – самый безобидный из моих грехов.) Заодно я высказал женушке все, что о ней думаю. В кои-то веки эти глаза утратили идиотскую незамутненность!

Тут явились мамочка с папочкой, миннесотские великаны – звучит как название футбольной команды, да и вели они себя соответствующе: принялись швырять меня друг дружке и, прежде чем я отключился, успели поставить мне фингалы под оба глаза, сломать пять ребер и берцовую кость. Затем, судя по всему, великаны упаковали дочурку и убрались восвояси. За эти годы я не получил от Хулги ни единой весточки, но мы, насколько я понимаю, до сих пор женаты.

Слыхали когда-нибудь выражение «гомик-террорист»? Это такой педик, у которого вместо крови в венах фреон. Дягилев, к примеру. Или Дж. Эдгар Гувер. Адриан. Не то чтобы я сравниваю человека, о котором пойдет речь, с этими почтеннейшими персонажами, но мне сразу вспомнился Тернер Ботрайт, или Боти, как его называли приближенные.

Мистер Ботрайт был редактором литературной рубрики женского журнала мод, в котором печатали только «качественных» авторов. Он попал в поле моего зрения – точнее, я попал в его, – когда однажды он выступал у нас на курсе. Я сидел в первом ряду и сразу понял – по тому, как его холодный взор то и дело притягивался к моей промежности, – что творится в его хорошенькой головке с венчиком из седых кудрей. Да ради бога, но так просто ты меня не получишь, решил я. После беседы все студенты столпились вокруг Ботрайта. Все, кроме меня – я ушел, не дождавшись, когда нас познакомят. Минул месяц, и я успел как следует отшлифовать два своих рассказа, которые в ту пору казались мне лучшими: «Бронзовый загар» (о пляжных мальчиках по вызову в Майами-бич) и «Массаж» (о престарелой вдове стоматолога, готовой на всевозможные унижения ради любви юного массажиста).

Вооружившись этими рукописями, я отправился напрямик к мистеру Ботрайту – даже записываться не стал, просто явился в издательство и попросил секретаршу сказать ему, что пришел один из учеников Марты Фоули. Он наверняка сразу понял, который, хотя притворился, будто видит меня впервые. Но и я не лыком шит.

Не сказать, чтобы обстановка в его логове была совсем нерабочая. Оно скорее напоминало викторианскую гостиную, чем собственно кабинет. Мистер Ботрайт восседал в плетеном кресле-качалке у стола, застланного шальями с бахромой и служившего ему письменным. Вто-

¹⁶ Грустными (фр.).

рое такое же кресло стояло напротив. Сонным жестом, призванным замаскировать бдительность очковой кобры, редактор указал мне на это кресло (у него самого, как я позже заметил, под поясницей лежала подушечка с вышитым словом: «Мама»). Несмотря на весенний зной, тяжелые бархатные портьеры цвета пюс (кажется, так он называется) были задернуты. Свет исходил только от двух старинных настольных ламп на высоких ножках с темно-красным и зеленым абажурами. Занятое было местечко, логово мистера Ботрайта – редактор явно был на хорошем счету у начальства.

– Итак, мистер Джонс?

Я объяснил, зачем пришел: на меня, мол, произвела неизгладимое впечатление его лекция в Колумбийском университете, его искреннее стремление помогать начинающим авторам, и поэтому я решил представить на его суд два своих рассказа.

Пугающим, очаровательно саркастичным тоном он спросил:

– А почему вы решили принести их лично? Для этих целей принято использовать почту.

Я улыбнулся, а улыбка моя – это льстивое и непристойное предложение (по крайней мере, так ее обычно трактуют).

– Побоялся, что в таком случае вы никогда их не прочтете. Молодой автор без имени и агента... Думаю, подобные рассказы редко удостоиваются вашего внимания.

– Почему же, удостоиваются – если обладают художественной ценностью. Моя помощница, мисс Шоу, – поразительно толковый и вдумчивый читатель. Сколько вам лет?

– В августе исполнится двадцать.

– Вы считаете себя гением?

– Не знаю, – соврал я, ведь в ту пору не сомневался в своей гениальности. – За этим я и пришел. Хотел услышать ваше мнение.

– Могу сказать одно: вы амбициозны. Или попросту выскочка. Вы еврей?

– Возможно. Я вырос в сиротском приюте и ничего не знаю о родителях.

Да, этот ответ не делает мне чести. Хотя в целом я не склонен жалеть себя (или?..), я не брезгую использовать свое трудное детство в корыстных целях – чтобы добиться сочувствия от собеседника и таким образом получить над ним преимущество.

Однако сей джентльмен нанес мне меткий и могучий удар под дых. Он раскусил мои истинные намерения, а я? Раскусил ли? Как знать, как знать... В ту пору у меня еще не было порочных наклонностей – я не курил и почти не пил. А тут, не спросив позволения, я выбрал из стоявшей рядом черепаховой шкатулки сигарету и попытался ее прикурить, но ненароком поджог весь спичечный коробок, и он вспыхнул у меня в руках. Я вскочил и заскулил, размахивая обожженной рукой.

Ботрайт спокойно указал на горящие на полу спички.

– Осторожнее. Затопчите их, не то испортите ковер. – И следом: – Идите сюда. Покажите руку.

Он разомкнул губы и медленно обхватил губами мой указательный палец, который пострадал сильнее других. Засунув палец глубоко в рот, он почти вытащил его, опять погрузил – так охотник высасывает яд из змеиного укуса.

Закончив, он спросил:

– Так лучше?

Чаша весов склонилась в мою сторону: произошла передача власти (вернее, так я сдуру решил).

– Намного. Благодарю вас.

– Вот и славно, – сказал он и поднялся, чтобы запереть дверь изнутри. – Теперь продолжим лечение.

Нет, все было не так просто. Боти оказался крепким орешком; при необходимости он мог заплатить за удовольствие, но печатать мои рассказы ни за что бы не стал. О тех двух, что я принес ему в самом начале, он высказался так: «Рассказы плохие. Вообще-то я не имею обыкновения хвалить писателей со столь ограниченным талантом. На мой взгляд, это очень жестоко – убеждать человека, будто он обладает способностями, которых на самом деле у него нет. Однако я не скажу, что ты начисто лишен дара слова. Образы и характеры рисуешь неплохо. Быть может, из тебя даже выйдет толк. Если ты готов рискнуть, поставить на карту всю свою жизнь – я помогу. Но делать это не советую».

Жаль, я его не послушал. Надо было в тот самый миг собрать вещи и уехать в деревню. Увы, Боти опоздал: я уже начал свое путешествие к центру Земли.

Бумага заканчивается. Пойду приму душ. А потом, наверно, все-таки переберусь на шестой этаж.

Я в самом деле перебрался на шестой.

Впрочем, мое окно почти вплотную прилегает к стене здания напротив: даже если надумаю выпрыгнуть, в лучшем случае набью себе шишку на лбу. Стоит сентябрьская жара, а каморка моя так мала, так душна, что я вынужден круглыми сутками сидеть с открытой дверью – и это весьма неудобно. Как в большинстве общежитий Ассоциации, коридоры здесь полнятся шорохом шагов юных сладострастных христиан: открытая дверь часто воспринимается ими как приглашение. Но я никого не приглашаю, увольте.

Вчера, садясь за эту историю, я понятия не имел, стану ли ее продолжать. Но вот я вернулся из магазина, где приобрел упаковку простых карандашей «Блэквинг», точилку и дюжину толстых тетрадей. А чем мне еще заниматься? Разве что начать поиски работы. Но я понятия не имею, куда себя пристроить – кроме массажа, у меня и вариантов-то нет. Больше я ни на что не гожусь. И если быть совсем честным, я подумываю изменить несколько имен и выдать эту историю за роман. Терять-то мне нечего, черт возьми! Ну, наживу себе парочку новых врагов, которые захотят меня убить, – подумаешь! Этим они лишь окажут мне добрую услугу.

Двадцать рассказов спустя Боти все же купил у меня один. Зверски его отредактировал, чуть ли не начисто переписал, зато напечатал. «Мысли о Мортоне», автор П. Б. Джонс. Рассказ про монахиню, влюбившуюся в чернокожего садовника по имени Мортон (того самого, который влюбился в меня). Он привлек внимание читателей и был позже включен в сборник того же года «Лучшие американские рассказы», но самое главное – его заметила выдающаяся подруга Боти, мисс Элис Ли Лэнгмен.

Боти владел просторным старинным особняком из песчаника в Верхнем Ист-Сайде, на востоке одной из восьмидесяти улиц. Внутреннее убранство представляло собой увеличенную копию интерьера его рабочего кабинета: сборная солянка из викторианских предметов в темно-красной цветовой гамме, расшитые бисером занавески и чучела насупившихся сов под стеклянными колпаками. Этот стиль, ныне уже *démodé*¹⁷, в ту пору встречался на удивление редко, и гостиная Боти была одним из самых людных общественных мест Манхэттена.

Там я познакомился с Жаном Кокто – ходячим лазерным лучом с бутоньеркой из *muguet*¹⁸ в петлице. Он спросил, есть ли у меня татуировки. Я ответил, что нет, и тогда его чрезвычайно умный взгляд остекленел и заскользил дальше. К Боти регулярно наведывались и Дитрих, и Гарбо, причем последнюю непременно сопровождал Сесил Битон, с которым я познакомился чуть раньше, когда он фотографировал меня для журнала Боти. (Приведу случайно подслушанную беседу этой парочки. Битон: «Старею... Досаднее всего, что причинное место скукожилось». Гарбо, после скорбной паузы: «Ах, хотела бы я и про себя сказать то же самое».)

¹⁷ Вышедший из моды, старомодный (*фр.*).

¹⁸ Ландыш (*фр.*).

Вообще у Боти можно было повстречать прямо-таки невероятное количество знаменитостей, разнообразных актрис – от Марты Грэм до Джипси Розы Ли. Толпы красоток в пайетках перемежались художниками (Челищев, Кадмус, Риверс, Уорхол, Раушенберг) и композиторами (Бернштейн, Копленд, Бриттен, Барбер, Блишштайн, Дайамонд, Менотти). Больше всего было писателей (Оден, Ишервуд, Уэскотт, Мейлер, Уильямс, Стайрон, Портер и бывавший в Нью-Йорке наездами, одержимый «Лолитой» Фолкнер, неизменно угрюмый и обходительный под двойным гнетом нервных аристократических замашек и чудовищного похмелья после «Джека Дэниэлса»). И, разумеется, там бывала Элис Ли Лэнгмен, которую Боти считал первой американской леди от литературы.

Сейчас все эти люди – те, что еще живы, – вряд ли меня вспомнят. Конечно, не забыл бы и Боти (прямо слышу его язвительную тираду: «А, пройдоха П. Б. Джонс? Он, верно, торгует собой на базарах Марракеша – престарелые арабские пидоры таких любят»). Но Боти умер: какой-то обдолбанный пуэрториканец, думавший заработать на дозу быстрым перепихом, забил старика до смерти. Его нашли в гостиной среди великолепной мебели красного дерева – глазные яблоки вылезли у него из орбит и висели где-то в районе щек.

А в прошлом году умерла Элис Ли Лэнгмен.

«Нью-Йорк таймс» разместила на первой полосе ее некролог и знаменитый фотопортрет, сделанный Арнольдом Джентом в 1927 году в Берлине. Дамы искусства редко бывают хороши собой. Взять хотя бы Мэри Маккарти (которую почему-то принято считать красоткой). Но Элис Ли Лэнгмен была дивным лебедем наравне с другими лебедушками нашего века: Клео де Мерод, Фредой Дадли Уорд, Гарбо, Барбарой Кушинг Пейли, сестрами Уиндэм, Дианой Дафф Купер, Линой Хорн, Ричардом Финоккио (трансвеститом, который называл себя Харлоу), Глорией Гиннесс, Майей Плисецкой, Мэрилин Монро и, наконец, несравненной Кейт Макклауд. Отмечу здесь несколько внешне привлекательных лесбиянок: Колетт, Гертруду Стайн, Уиллу Кэсер, Айви Комптон-Бернетт, Карсон Маккалерс, Джейн Боулз. И к совсем другой категории – обаятельных милашек – стоит отнести Элеанор Кларк и Кэтрин Энн Портер.

Элис Ли Лэнгмен была безупречно хороша: глянцева красавица с выраженными андрогинными чертами и ореолом двоякой сексуальности, что окружает некоторых звезд. Их таинственное обаяние одинаково действует на жертв обоего пола, причем свойственно оно не только женщинам, но и мужчинам. Им обладает Нуреев и владел Неру, вечно молодой Марлон Брандо, Элвис Пресли, Монтгомери Клифт и Джеймс Дин.

Я называл ее «мисс Лэнгмен» и никак иначе, тогда ей было под шестьдесят, но она будто совсем не изменилась с тех пор, как ее запечатлел Арнольд Джент. У автора «Дикой спаржи» и «Пяти черных гитар» были глаза цвета анталийских вод и мягкие, зачесанные назад голубовато-серебристые волосы, которые напоминали тонкий воздушный чепец. Нос как у Павловой: выдающийся, чуть неправильной формы. Лицо бледное или, скорее, белоснежное – фарфоровое. Я с трудом понимал ее речь, ибо голос мисс Лэнгмен, в отличие от голоса большинства женщин с Юга, был не пронзительным и резким (*гнусавый говор* свойствен только южным мужчинам), а приглушенным и виолончельно-контральтовым, как у плачущей горлицы.

В тот первый вечер у Боти она сказала мне:

– Проводите меня домой? Начинается гроза, и мне страшно!

Она не боялась грозы и вообще ничего не боялась – кроме безответной любви и коммерческого успеха. Своей невероятной литературной славой, хоть и заслуженной, мисс Лэнгмен была обязана одному-единственному роману и трем сборникам рассказов, которых за пределами филологических кругов и мира любителей искусства никто не читал. Как и ценность бриллиантов, ее престиж был обусловлен строгой ограниченностью производства; в этом смысле она добилась головокружительного успеха и была королевой грантодобычи, высокооплачиваемой литературной аферисткой, лауреатом в законе. Гранты сыпались на нее по первому щелчку. Все, включая фонды Форда и Гуггенхайма, Американскую академию искусств

и литературы, Национальный совет по культуре и искусству, Библиотеку Конгресса и прочие, считали своим святым долгом завалить ее необлагаемой налогами зеленью, и мисс Лэнгмен подобно цирковым карликам, что боятся подрасти даже на дюйм и тем самым лишиться средств к существованию, всегда отдавала себе отчет: как только ее произведения заметит и полюбит простой люд, славным денькам наступит конец. А пока же она, как крупье, гребла лопатой благотворительные фишки: щедрых чаевых хватило на небольшую стильную квартиру на Парк-авеню.

За благопристойным детством в штате Теннесси – каковое и положено дочери методистского священника – последовала бурная богемная юность, проведенная в Берлине, Шанхае, Париже и Гаване. Мисс Лэнгмен сменила четверых мужей (одним из них был двадцатилетний смазливый серфер, с которым она познакомилась, когда преподавала в Калифорнийском университете в Беркли), а теперь, видно, решила вернуться – по крайней мере в практических вопросах – к исконным ценностям, о которых в действительности никогда не забывала.

Сейчас, вспоминая ее квартиру, я могу по достоинству оценить необычность интерьера, но тогда жилище мисс Лэнгмен показалось мне холодным и неуютным. Мягкая мебель была накрыта хрустящими льняными чехлами – белыми, как и пустые стены. На отполированных до блеска полах я не заметил ни единого коврика. Единственными яркими пятнами в этой бело-снежной пустыне были жардиньерки, с которых каскадами спадала свежая зелень, да несколько именных предметов мебели (дородный и строгий письменный стол о двух тумбах и дивные книжные шкафы палисандрового дерева).

– Я предпочту иметь две очень хорошие вилки, чем дюжину просто хороших, – сказала мисс Лэнгмен. – Именно поэтому здесь мало мебели. Я могу существовать только среди самого лучшего, но окружить себя такими вещами не имею финансовых возможностей. Впрочем, захламленность чужда моей натуре. Пустой пляж в тихий зимний день – вот мой рай. В доме, как у Боти, я бы моментально спятила.

Интервьюеры часто описывали мисс Лэнгмен как остроумную собеседницу; разве может быть женщина остроумной, если у нее нет чувства юмора? А мисс Лэнгмен была начисто его лишена, и в этом состоял главный ее изъян как личности и как художника. Но болтать она и впрямь любила: не замолкала ни на секунду даже в спальне. «Нет, Билли, рубашку не снимай и носки тоже ведь мой первый он был в одной рубашке и носках. Мистер Билли Лэнгмен. Преподобный Билли. Есть что-то невероятно притягательное в мужчине у которого из-под рубашки торчит твердый... вот так Билли возьми подушку и подложи под мою... вот так Билли вот так очень хорошо ах! Билли как *хорошо* как с Наташей однажды у меня была интрижка с русской лесбиянкой Наташей она работала в русском посольстве в Варшаве и всегда была голодна так вот ей нравилось спрятать *там* ягоду черешни а потом съесть ах! Билли я просто *умру* если ты не... ну-ка давай сюда милый пососи ах! вот так вот так дай мне поддержать твой член Билли почему он не твердеет?! Ну же! Твердей!»

Почему?! Да хотя бы потому, что мне для полного сексуального погружения необходима тишина – абсолютное безмолвие и сосредоточенность. Быть может, дело в моей юности, которую я провел в торговле телом за шоколадки, или в моем постоянном стремлении угодить куда менее разговорчивым партнерам – как бы то ни было, чтобы перейти грань и сорваться в пропасть, я неизменно (для правильной работы всех механизмов) призываю на помощь глубочайшие фантазии, пьянящее ментальное кино, просмотру которого болтовня только мешает.

Сказать по правде, в постели я редко думаю о том, с кем сплю. Уверен, что многие, даже большинство из нас, разделяют мою зависимость от мысленных пейзажей, воображаемых и припоминаемых эротических фрагментов, теней, что не имеют никакого отношения к телу, которое находится под или над нами, – образов, принимаемых нашим разумом в мгновение сексуального экстаза, но отвергаемых сразу после, ибо, сколь терпимыми и свободомыслящими мы бы себя ни считали, эти яркие эпизоды невыносимы для злых внутренних наблю-

дателей, что сидят у нас в голове. «Так-то лучше так лучше Билли дай мне свой член вот так ах ах ах вот так вот *так* теперь медленней медленней не спеши а теперь сильней сильней из всех сил ай ай *los cojones*¹⁹ хочу услышать их звон а теперь медленней вынимаааай и загоняй сильней сильней ай ай папочка иисусе смилуйся иисусе ахтычертподери господьвсемогуший кончай со мной Билли кончай! Кончай!» Да как же мне кончить, когда леди не дает сосредоточиться на областях куда более провокационных, чем ее шумное, кипучее, необузданное эго?! «Хочу-хочу услышать их звон», – приговаривала гранд-дама от мира высокой литературы в ходе шестьдесят второй по счету последовательности многократных триумфов. Наконец я сбежал от нее, растянулся в пустой холодной ванне и, предавшись необходимым фантазиям (совсем как мисс Лэнгмен в тиши, сокрытой под внешней бурливостью, припоминала... что? девичество? возбудительные портреты преподобного Билли – в одних носках и рубашке? сладкий девичий язычок, без устали лижущий леденец морозным зимним днем? или итальяшку с набитым пастой брюхом, которого она подобрала тысячу лет назад знойным сицилийским летом в Палермо, связала, как кабана на убой, и зверски отымела?), спокойно подрочил.

Есть у меня приятель, не педераст, но женщин не любит. Однажды он сказал: «Единственная баба, которая мне хоть на что-то сгодилась, – это госпожа Пятерня с дочками». Что ж, госпоже Пятерне и впрямь следует отдать должное: она гигиенична, сцен не закатывает, денег не требует и всегда готова услужить.

– Спасибо, – сказала мисс Лэнгмен, когда я вернулся. – Ты меня поразил: для своего возраста ты весьма искушен. И так уверен в себе! Я думала, что беру ученика, а его, по-видимому, учить уже нечему.

Последнее предложение она произнесла с характерным апломбом, искренне и проникновенно. Впрочем, я отлично понимал, какую пользу и честь может принести молодому амбициозному писателю связь с великой Элис Ли Лэнгмен. Я незамедлительно переехал в ее квартиру на Парк-авеню. Прослышав об этом, Боти (перечить мисс Лэнгмен он не смел, но надо же было как-то мне подгадать) позвонил ей и сказал: «Элис, я звоню лишь потому, что ты встретила эту тварь в моем доме, а значит, я несу ответственность. Берегись! Он готов трахать что угодно – мулов, мужиков, собак, пожарные гидранты... Вот только вчера я получил разгневанное письмо от Жана [Кокто]. Из Парижа. Он провел ночь с нашим другом в гостинице “Плаза”. И в доказательство может предъявить триппер! Одному богу известно, что там водится у этой твари. Я бы на твоём месте сходил к врачу. И еще одно: он вор. Подделывал мою подпись на чеках и украл таким образом больше пятисот долларов. Да я хоть завтра брошу его за решетку!» Это могло быть отчасти правдой, но не было. Теперь вы понимаете, что я имел в виду под фразой «гомик-террорист»?

Впрочем, Боти зря старался: мисс Лэнгмен было не остановить. Предъяви он неопровержимые доказательства того, что я украл последний рубль у горбатых сиамских близнецов из Советского Союза, она меня не прогнала бы. Она влюбилась, сама сказала – и я ей верил. Однажды вечером, когда ее голос то срывался, то тянулся от выпитого красного и желтого вина, она спросила (в своей притворно-жалостной, придурковато-трогательной манере! хотелось вышибить ей зубы и одновременно поцеловать), люблю ли я ее. Из глубокой порочности, если не из лживости, я ответил: «Конечно!» К счастью, все ужасы любви я испытал на себе лишь однажды – вы узнаете об этом, когда придет время, обещаю. Однако вернемся к трагедии мисс Лэнгмен. Возможно ли – я не вполне уверен – любить кого-то, если в первую очередь испытываешь к объекту любви корыстный интерес? Не мешают ли меркантильные мотивы – и сопутствующие им угрызения совести – развитию других чувств? Можно поспорить, что даже самые благопристойные союзы изначально основывались на магнетизме по принципу взаимной эксплуатации – люди хотят потешить свое эго, хотят секса, хотят получить крышу над головой;

¹⁹ Яйца (*исп.*).

но ведь это так тривиально, так по-человечески: разница между искренним интересом и бесстыдной эксплуатацией партнера сродни разнице между съедобными грибами и смертельно ядовитыми – Неизбалованными монстрами.

Итак, с помощью мисс Лэнгмен я рассчитывал получить: агента, издательство и подписанную ее именем оду во славу автора в одном из протухших, но еще влиятельных в литературных кругах журналов. Все это я получил – и с лихвой. В результате ее благосклонных вмешательств на П. Б. Джонса вскоре посыпались: стипендия Гуггенхайма (3000 долларов), грант от Американской академии искусств и литературы (1000 долларов) и аванс от издательства на написание сборника рассказов (2000 долларов). Этим мисс Лэнгмен не ограничилась: она тщательно подготовила мои рассказы к печати, навела на них чемпионский лоск и написала две большие хвалебные рецензии, одну в «Партизан ревью», вторую в «Нью-Йорк таймс бук ревью». Название тоже придумала она: «“Услышанные молитвы” и другие рассказы», хотя такого рассказа в сборнике не было.

– Оно замечательно подходит, – сказала мисс Лэнгмен. – Тереза Авильская говорила: «Больше слез пролито из-за услышанных молитв, нежели из-за тех, что остались без ответа». Возможно, я не совсем правильно цитирую, надо уточнить, но суть в том, что твои работы связывает одна общая идея: герой отчаянно стремится к некоей цели, достижение которой дает неожиданный, прямо противоположный ожидаемому результат, только подчеркивающий и усиливающий его отчаяние.

Увы, молитвы мои так и не были услышаны. К моменту выхода книги очень многие ключевые фигуры литературного аппарата сошлись во мнении, что мисс Лэнгмен перестаралась с продвижением своего «маленького жиголо» (так меня прозвал Боти; еще он всем говорил: «Бедная Элис! Это же просто “Шери” и “Конец Шери” в одном томе!»). Многие даже сочли такое поведение недопустимым и непорядочным для столь чистоплотной художницы.

Я, разумеется, не думаю, что мои рассказы следует ставить в один ряд с произведениями Тургенева и Флобера, но вниманием их обошли незаслуженно. Нет, никто их не ругал. Любая критика лучше мучительного, тошнотворного серого вакуума, который отупляет и заставляет еще до полудня мечтать о бокальчике «мартини». Мисс Лэнгмен тоже страдала – якобы «болела за меня». На самом деле она, конечно, догадывалась, что в сладкие воды ее кристально прозрачной репутации попали нечистоты.

Никогда не забуду, как она сидела в своей безукоризненно обставленной гостиной, с красными от слез и джина глазами, и кивала, кивала, кивала, впитывая каждое слово моих злобных пьяных нападок: я свалил на нее всю вину за свой литературный крах, за этот позор, за холодный ад, в котором оказался. Мисс Лэнгмен лишь кивала и кусала губы, подавляя в себе даже малейшие намеки на обиду, принимая всю мою желчь без остатка, потому что она была столь же уверена в своих талантах, сколь я был слаб и параноидально неуверен в своих, и потому что она знала: одна правдивая фраза, оброненная ею, может оказаться смертельной. А еще она боялась, что если я уйду, то других «шерей» ей не светит.

Старая техасская поговорка: «Женщины как гремучие змеи: последним у них умирает хвост».

Некоторые женщины готовы всю жизнь мириться с чем угодно ради секса; и мисс Лэнгмен, как мне говорили, была большой энтузиасткой по этой части, пока ее не убил инсульт. Кейт Макклауд однажды сказала: «Ради хорошего секса не грех весь свет объехать. И не по одному кругу». А мнению Кейт Макклауд, как известно, можно верить: господи, да если бы из нее торчали все члены, на которых она когда-либо скакала, она была бы похожа на дикобраза.

Однако покойная мисс Лэнгмен больше не появится в «Истории П. Б. Джонса» (производство компании «Параноид» совместно с «Приап-продакшн»), ведь П.Б. уже повстречал свою судьбу. Звали судьбу Денем Фаутс, или попросту Денни – для друзей, в числе которых

были Кристофер Ишервуд и Гор Видал (оба посмертно увековечили его в своих произведениях: Видал – в рассказе «Страницы брошенного дневника», а Ишервуд – в романе «С визитом в аду»).

О Денни, легендарном персонаже, заслужившем титул «Самого желанного парня на свете», я был наслышан задолго до того, как он заплыл в мою тихую бухту.

Шестнадцатилетний Денни жил в захудалом флоридском городишке и работал в отцовской пекарне. Удача – или погибель, как скажут некоторые, – явилась ему в обличье толстого миллионера на новеньком, собранном на заказ кабриолете «Дюзенберг» 1936 года с откидным верхом. Промышленный магнат, хозяин косметической фабрики, сколотивший состояние на производстве и продаже знаменитого солнцезащитного лосьона, дважды был женат, но предпочитал юных ганимедов четырнадцати-семнадцати лет. Повстречав Денни, магнат почувствовал себя коллекционером старинного фарфора, который случайно забрел в сувенирную лавку и обнаружил на полке мейсенский «лебединый» сервиз: шок! восторг! желание обладать! Он купил пончики и предложил Денни покататься на «Дюзенберге», дал порулить. Той же ночью, даже не заехав домой переодеться, Денни укатил в Майами. Месяц спустя убитые горем родители, успевшие прочесать с поисковыми группами все местные болота, получили письмо из Парижа. Оно стало первым в многотомном памятном альбоме под названием «Вокруг света с нашим сыном Денемом Фаутсом».

Париж, Тунис, Берлин, Капри, Санкт-Мориц, Будапешт, Белград, Сен-Жан-Кап-Ферра, Биарриц, Венеция, Афины, Стамбул, Москва, Марокко, Эшторил, Лондон, Бомбей, Калькутта, Лондон, Лондон, Париж, Париж, Париж – а его первоначальный покровитель остался «о-очень далеко, на Капри, дорогуша»; ведь именно на Капри Денни приглянулся семидесятилетнему дедуле, директору «Датч петролеум». Этого почтенного господина он променял на августейшую особу – греческого принца (ставшего впоследствии королем Павлом I). Принц оказался куда моложе прежних его любовников, и у них сложились более гармоничные отношения – настолько, что они вместе посетили в Вене татуировщика и сделали себе одинаковые наколки: некий крошечный голубой символ на груди, повыше сердца, только вот я не помню ни самого символа, ни его значения.

Не помню я и того, чем закончился их роман – вроде бы Денни нюхал кокаин в баре гостиницы «Бо Риваж» в Лозанне, из-за чего и впал в немилость. Но к тому времени он, подобно Порфирио Рубиресе (имя которого в Европе было у всех на устах), уже снискал славу *sine qua non*²⁰ любого уважающего себя искателя приключений – загадки, которую каждый мечтал разгадать. Например, известно, что Дорис Дьюк и Барбара Хаттон заплатили в общей сложности около миллиона долларов, дабы узнать, не лукавят ли их приятельницы, превознося заслуги этого кучерявого распутника, Его превосходительства посла Доминиканской Республики Порфирио Рубиресы – сколько их кряхтело от удовольствия на его мясистом квартеронском члене, эдаком бревне цвета кофе с молоком длиной в одиннадцать дюймов²¹ и толщиной с мужское запястье (если верить наездницам, объездившим обоих, у Рубиресы на конкурсе членов был единственный достойный соперник – иранский шах). Что же до почтенного и ныне покойного принца Али Хана (гетеросексуала и близкого друга Кейт Макклауд), то побывавшим на его простынях дамочкам, которым самое место в фейдовских водевилях, хотелось знать лишь одно: действительно ли этот жеребец способен скакать целый час без продыху и по пять раз в день, не кончая? Полагаю, ответ вам известен, но если нет, слушайте: это правда, есть такой восточный приемчик, по сути – хитрый фокус, называемый «карецца», где основной ингредиент – не столько выносливость яичек, сколько умение обузывать собственное воображение: во время соития мужчина представляет себе обычную картонную коробку или бегущего пса.

²⁰ Неотъемлемая часть, необходимый атрибут (досл.: «то, без чего невозможно») (*лат.*).

²¹ 27,9 см.

Разумеется, брюхо при этом должно быть набито икрой и устрицами и никакие другие занятия не должны препятствовать потреблению пищи, сну и фантазиям о картонных коробках.

Женщины тоже экспериментировали с Денни: достойная Дейзи Феллоуз, наследница основателя империи швейных машинок «Зингер», катала его по Эгейскому морю на своей стильной яхточке под названием «Сестра Анна», но главными пополнителями банковских счетов Денни в Женевском банке по-прежнему оставались богатейшие папики-двустволки того времени: чилиец от *le tout Paris*²² Артуро Лопес-Уилшоу, поставивший всему миру гуано (окаменелое птичье дерьмо), и маркиз де Куэвас, эдакий гастролирующий Дягилев. В 1938 году в ходе очередного визита в Лондон Денни обрел своего последнего и главного покровителя – Питера Уотсона, наследника маргаритового магната. Тот был не просто очередным богатеньким гомиком, но – в своей сутулой, высокоинтеллектуальной, сардонической манере – одним из самых привлекательных мужчин Англии. Именно на его деньги существовал литературный журнал Сирила Коннолли «Горизонт». Друзья и приятели Уотсона пришли в смятение, когда этот довольно суровый любовник, демонстрировавший прежде вполне рядовую тягу к молодым морячкам, вдруг увлекся скандально известным Денни Фаутсом, «плейбоем-эксгибиционистом», наркоманом, американцем, говорившем так, словно рот его был набит кукурузной кашей.

Чтобы в полной мере оценить обаяние Денни Фаутса, нужно было испытать на себе его мертвую хватку, неумолимое притяжение, подводившее жертву опасно и соблазнительно близко к границам вечного сна. Денни годился для одной-единственной роли – Возлюбленного, ибо никем другим он никогда не был. И вот он стал Возлюбленным этого самого Уотсона, который, если не считать эпизодических свиданий с представителями морского ремесла, всегда обращался со своими поклонниками жестоко и в духе де Сада (однажды, к примеру, он отправился с юным опьяненным любовью аристократом в морское путешествие вокруг света и придумал для него наказание: любые прикосновения, поцелуи и ласки между ними были под строгим запретом, притом что каждую ночь они спали в одной постели – то есть мистер Уотсон спал, а его несчастный, чахнувший от неупокоенной страсти любовник страдал бессонницей и мучительными болями в паху).

Конечно, как часто бывает у людей с садистской жилкой, Уотсоном параллельно овладевали и мазохистские наклонности. Денни, со свойственным *púttána*²³ чутьем разгадывавший самые постыдные и сокровенные желания клиентов, действовал исходя из этого. Когда точки над «i» расставлены, лишь унижающий способен оценить по достоинству всю прелесть унижения: подобно тому, как художник признает гений другого художника, Уотсон полюбил Денни за жестокость. Муки страсти загоняли хинно-элегантного мистера У. в сладостные комы ревности и восхитительного отчаяния. Для победы в этих садо-романтических играх Денни не гнушался использовать даже собственную наркотическую зависимость: Уотсон, вынужденный финансово поддерживать ненавистную привычку Возлюбленного, был искренне убежден, что рано или поздно любовь и внимание вытащат Денни из героиновой могилы. Манипулировать Уотсоном оказалось очень просто: чтобы в очередной раз закрутить гайки в отношениях, Денни достаточно было протянуть руку к «аптечке».

В 1940 году (когда немцы только начали бомбить Лондон) Уотсон, тревожась о благополучии Возлюбленного, настоял на его возвращении в Соединенные Штаты. Это путешествие Денни совершил под бдительным присмотром жены Сирила Коннолли по имени Джин. С тех пор супруги не виделись: Джин Коннолли, та еще гедонистка и сластолюбка, после шального опиумно-марихуанного заокеанского паломничества в обществе Денни, солдатиков и морячков, решила к мужу не возвращаться.

²² Парижское высшее общество (фр.).

²³ Проститутка (итал.).

Военные годы Денни провел в Калифорнии, причем пару из них – заключенным в лагере для лиц, отказавшихся от воинской службы по соображениям совести. Однако в самом начале калифорнийского периода он успел познакомиться с Кристофером Ишервудом, работавшим тогда сценаристом в Голливуде. Прочитав его вышеупомянутый роман, который я сегодня утром нашел в библиотеке. Денни (точнее, Пол – так зовут персонажа) описан там следующим образом: «Когда я впервые увидел Пола, входившего в ресторан, помню, что обратил внимание на его чересчур прямую спину и странную поступь: парня словно парализовало от напряжения. Он всегда был подтянут, а в ту пору по-мальчишески тощ, да и одет как мальчишка. Своим преувеличенно невинным обликом он будто бы бросал всем нам вызов: ну-ка, угадайте, что на самом деле у меня внутри. Кургузый черный пиджачок без подплечников, белая рубашка и простой черный галстук придавали Полу сходство с учащимся религиозной школы-пансиона, и все же подростковый его наряд не показался мне нелепым, он был ему даже к лицу. Я знал, что на самом деле Полу под тридцать, и молодость его производила зловещее впечатление – как нечто неправильное, противоестественное».

Семь лет спустя я приехал погостить в Париж, в дом Питера Уотсона на левом берегу Сены по адресу рю-дю-Бак, 33. Денем Фаутс был бледнее своей любимой опиумной трубки слоновой кости, но почти не изменился с тех пор, как дружил в Калифорнии с герром Исиву: он по-прежнему выглядел уязвимо юным, словно молодость была неким химическим раствором, в который Фаутса поместили навеки.

Какими же судьбами П. Б. Джонс очутился в Париже, гостем в этих сумрачных, извилистых комнатах с высокими потолками?

Минутку, пожалуйста: я только сбегая вниз, в душевую. На седьмой день манхэттенского пекла столбик термометра подскочил до отметки девяносто градусов²⁴.

Некоторые из христоролюбивых сатиров нашего общежития плещутся в душе так часто и так долго, что стали похожи на раздувшихся от воды кукол Кьюпи, но они молоды и – в большинстве своем – неплохо сложены. А самый одержимый из этих помешанных на гигиене развратников – и источник непрерывного *шур-шур* и *шлеп-шлеп* из коридора – старик по прозвищу Дёсны. Он хром, слеп на левый глаз, в уголке рта гноится вечная язва, и оспины покрывают его лицо подобно дьявольским чумным татуировкам. Вот сейчас он будто ненароком прикоснулся к моему бедру, а я сделал вид, что ничего не заметил; однако его прикосновение неприятно обожгло и оставило след, словно вместо пальцев у него – стебли крапивы.

«Услышанные молитвы» лежали на полках книжных магазинов уже несколько месяцев, когда я получил из Парижа немногословную записку: «Мистер Джонс, ваши рассказы великолепны, как и портрет, сделанный Сесилом Битоном. Приглашаю вас в гости и высылаю билет первого класса на “Королеву Елизавету”, отплывающую из Нью-Йорка в Гавр 24 апреля. Если хотите навести справки, обращайтесь к Битону – мы давно знакомы. Искренне ваш, Денем Фаутс».

Как я уже говорил, о мистере Фаутсе я был наслышан и потому прекрасно понимал, что отнюдь не мой литературный дар вдохновил его на сочинение этой дерзкой записки, но мой фотопортрет, сделанный Битоном для журнала Боти, который я затем использовал и для обложки книги. Позднее, уже познакомившись с Денни, я догадался, что так травмировало его в моем лице, раз он решил не полагаться на удачу и подкрепил свое послание непомерно дорогим подарком. Билет был ему не по карману: сытый по горло Питер Уотсон давно его бросил, и Денни проживал в парижской квартире Питера на самовольных началах, перебиваясь подачками верных друзей и давних, отчасти шантажируемых любовников. Мой фотопортрет

²⁴ 32,2 градуса по Цельсию.

никоим образом не соответствовал истине – Битон запечатлел меня эдаким хрустальным юношей, бесхитростным, незамаренным, свежим, как роса, и сверкающим, будто капля апрельского дождя. О-хо-хо.

О том, чтобы не ехать, даже мысли не было; не подумал я и предупредить Элис Ли Лэнгмен о своем отъезде. Вернувшись домой от стоматолога, та обнаружила, что я собрал вещи и смылся – ни с кем не попрощавшись. Да, я из таких людей (причем на свете их немало): могу быть вашим близким другом, общаться с вами хоть каждый день, но если вы хоть раз обделите меня вниманием, если *вы* не позвоните *мне* — это конец, так и знайте, потому что *я* лично никогда уже вам не позвоню. Знавал я таких типов с кровью ящериц в жилах – и никогда их не понимал, хотя сам такой же. Да, я просто уехал: отчалил в полночь под грохот собственного сердца, неистовый, словно лязг гонгов на борту и сиплый вой дымовых труб. Помню, как за дрожжащими лентами серпантина мерцало и таяло сияние Манхэттена – увидеть эти огни вновь мне предстояло лишь двенадцать лет спустя. А еще помню, как пробирался неверной походкой в свою каюту второго класса (билет в первый класс я поменял, а разницу прикарманил), по дороге поскользнулся в луже блевотины, упал и повредил шею. Жаль, не сломал.

Когда я думаю о Париже, он видится мне романтичным, как залитый мочой писсуар, и соблазнительным, как раздутый труп утопленника в Сене. Воспоминания о нем ясны и прозрачны, словно сцены, что успевают возникать за мокрым окном автомобиля между неторопливыми и томными движениями стеклоочистителей. Обычно я вижу себя прыгающим через лужи, потому что в Париже постоянно зима и дождь, и еще вижу, как в одиночестве листаю «Тайм» на безлюдной террасе кафе «Дё маго», где опять же вечный воскресный августовский день. Я вижу, как просыпаюсь, похмельный от перно, в нетопленном гостиничном номере, и искривленные стены колышутся перед глазами. А на другом конце города плетусь вдоль витрин пустынного коридора между двумя входами гостиницы «Ритц» или подкарауливаю в баре той же гостиницы какого-нибудь американца-толстосума, клянчу напитки сперва там, а потом в «Беф-сюр-ле-туа» или в брассери «Липп», и торчу до рассвета в забитом шляхами и черномазыми притоне, синем от дыма синих «Голуаз», и опять просыпаюсь в накренившихся стенах, тарашась по сторонам стеклянным трупным взглядом. Да, признаю, жизнь моя мало походила на рядовые будни парижан, но даже французы не выносят Францию. Точнее, они поклоняются своей стране, но презирают соотечественников – не способных, как и они сами, простить друг другу общие грешки: подозрительность, скарედность, завистливость и обыкновенную подлость. Когда начинаешь презирать какой-нибудь город или место, трудно бывает вспомнить, что раньше ты относился к нему иначе. Впрочем, одно время я действительно видел Париж так, как того хотел Денни и как он сам хотел бы его видеть.

(У Элис Ли Лэнгмен было несколько племянниц, и однажды старшая из них, благовоспитанная юная провинциалка по имени Дейзи, никогда прежде не выезжавшая за пределы родного Теннесси, решила посетить Нью-Йорк. Помню, я застонал, ведь ее приезд значил, что мне придется временно покинуть квартиру мисс Лэнгмен; хуже того, я буду вынужден таскаться с Дейзи по городу, идти с ней на «Рокетс», подниматься на вершину Эмпайр стейт билдинг, катать ее на пароме «Стейтен Айленд», кормить кони-айлендскими хот-догами в «Нэйтенс» и печеными бобами в «Автомате» – ну, вы поняли. Теперь я вспоминаю те дни с солоноватой ностальгией; она отлично провела время, эта Дейзи, а я – еще лучше, ведь я как будто забрался к ней в голову, смотрел на город и пробовал все изнутри этой девственной обсерватории. «О, – восклицала Дейзи, смакуя фисташковое мороженое в кондитерской “Румпельмайер”, – просто класс!» и «О! – кричала Дейзи, когда мы вошли в толпу зевак на Бродвее, призывавших самоубийцу выброститься из окна. – А это просто высший класс!»)

Вот и я был эдакой дейзи в Париже. Французского я не знал и никогда бы не узнал, если бы не Денни. Он заставил меня выучить язык: попросту отказался разговаривать со мной по-английски где бы то ни было, кроме постели. Тут я должен кое-что прояснить. Хоть мы и спали

вместе, его интерес ко мне носил скорее романтический, нежели сексуальный характер. В ту пору у Денни вообще не было любовников: он говорил, что вот уже два года его «часики» все время на полшестого, ибо опиум и кокаин отбили ему всякую охоту. Мы часто ходили на дневные сеансы в кинематограф на Елисейских Полях, и в какой-то момент Денни покрывался испариной, убегал в туалет и принимал очередную дозу. Вечером он курил опиум или потягивал опиумный чай – варево, которое готовил из запекшегося на стенках трубки наркотика. Впрочем, меру он знал: я никогда не видел его в отключке.

Быть может, к концу ночи, когда рассветные лучи уже щекотали снаружи плотно задернутые шторы спальни, Денни немного терялся и проваливался в замысловатый мутный бред: «Скажи-ка, мальчик, слышал ли ты когда-нибудь о “Кафе отца Фланагана для педиков, жидов и черномазых”? Слышал, точно! Отвечаю! А если не слышал и теперь подумал, что это какая-нибудь ночная гарлемская дыра, даже если так, то уж под каким-нибудь другим названием ты это местечко наверняка знаешь, знаешь, что это и где. Однажды я целый год медитировал в калифорнийском монастыре. Под... над... под надзором Его Святейшества, досточтимого и преподобного Джеральда Херда. Искал, значит, этот самый... Смысл. Ну, это самое... Божественное. Я старался, правда. обнажил душу донельзя. Рано ложился и рано вставал, молился, молился, не бухал, не курил, не дрович. И что же? Все эти гнусные испытания я перенес ради... “Кафе отца Фланагана для педиков, жидов и черномазых”! Найти его просто: едешь до конечной, где тебя выбрасывают у самой помойки. Только смотри под ноги – не наступи на отрезанную голову. Так, а теперь стучи. Тук-тук. Голос отца Фланагана: “Кто тебя послал?” Христос, ради всего святого, тупая ты скотина. А внутри... внутри так хорошо. Благостно. Потому что там нет ни одного состоявшегося человека, понимаешь? Одни отщепенцы, особенно много этих толстопузиков с аппетитными счетами в швейцарском “Кредит суисс”. Короче, можешь расслабиться, Золушка. И признать, что очутился на дне. Какое облегчение! Сбросить карты, заказать “колу” и поплясать от души с давним дружкой, например с тем двенадцатилетним голливудским *персиком*, который показал мне в подворотне бойскаутский нож и отобрал мои восхитительные “Картье” с овальным циферблатом. “Кафе для педиков, жидов и черномазых”! Дно прохладное, зеленое и тихое, как могила! Вот зачем я употребляю наркотики: одними медитациями дорогу туда не проложишь и надолго там не останешься, а я хочу остаться, остаться в славном заветном краю отца Фланагана и его Тысячи изгоев: жидов, нигтеров, латиносов, гомиков, лесбиянок, нариков и коммуняк. О, как я рад очутиться среди своих: Таки да, сэр! Вот только цена слишком высока, я ведь себя гроблю. – Тут он отбрасывал мерзкий тон эстрадного комика и продолжал: – Ну да, гроблю и отдаю себе в этом отчет. Но после встречи с тобой я передумал. Теперь я не прочь еще пожить на этом свете. Но при условии, что ты будешь жить со мной, Джонси. Это значит, мне надо пойти на риск – чего доброго, исцелюсь. Поверь мне, это *в самом деле* риск. Я однажды попытался – лег в клинику в Веве. Каждую ночь на меня обрушивались горы, каждое утро я мечтал утопиться в Лемане. Но если я решусь, ты будешь рядом? Мы можем вернуться в Штаты и купить автозаправочную. Нет, я серьезно! Всегда мечтал о собственной автозаправочной станции. Где-нибудь в Аризоне. Или Неваде. “Ваш последний шанс наполнить бак” или как там было в рекламе. Кругом тишина, и ты сможешь рассказы пописывать. Здоровье у меня в целом крепкое. И готовить я умею».

Денни предлагал мне наркотики; я всякий раз отказывался, а он и не настаивал. Только однажды спросил: «Боишься?» Да, я боялся, но не наркотиков, а его неустроенной судьбы. Уподобляться Денни ничуть не хотелось. Как ни странно, вера моя по-прежнему была жива: я считал себя серьезным молодым человеком с серьезным писательским даром, а не каким-нибудь жалким оппортунистом и подстилкой – коварным манипулятором, бурившим мисс Лэнгмен до тех пор, покуда из нее не хлынули гуггенхаймы. Да, я был последним ублюдком и знал это, но не казнил себя – в конце концов, таким я родился: талантливым ублюдком, у которого одно-единственное обязательство – перед собственным талантом. Несмотря на ежевечерние

попойки, бесконечные изжоги и расстройства желудка от бренди и вина, я каким-то образом умудрялся каждый день писать по пять-шесть страниц своего романа; ничто не должно было мешать работе, и Денни в этом смысле стал для меня зловещей обузой. Я чувствовал, что, если не избавлюсь от ноши, как Синдбад от старика-прилипалы, придется мне всю жизнь таскать Денни на закорках. Тем не менее он мне нравился – по крайней мере я не хотел бросать его в такое трудное время, пока он был во власти наркотиков.

Словом, я сказал, чтобы он начинал лечение. Однако добавил: «Только давай обойдемся без обещаний. Глядишь, ты после всего этого ударишься в религию или захочешь до конца жизни драить больничные судна у доктора Швейцера. А может, это *мой* удел». Поразительно, с каким оптимизмом я смотрел тогда в будущее! По сравнению с тяготами, что я пережил позднее, такая участь видится мне теперь медовой нирваной. Уж лучше бы я до скончания века отбивался от мух цеце и вылизывал судна собственным языком.

Было решено, что Денни поедет в Веве один и ляжет в клинику. Мы распрощались на Лионском вокзале; Денни был под кайфом и выглядел – свежий и румяный, со строгим ликом ангела мести – лет на двадцать. Он без умолку тараторил об автозаправочных станциях и своем путешествии на Тибет. Наконец он сказал: «Если до этого дойдет, сделай вот что: уничтожь все мои пожитки. Сожги мою одежду, письма. Не хочу оказывать Питеру такую честь».

Мы договорились не общаться до тех пор, покуда он не выпишется из клиники. А уж там можно вместе отдохнуть в какой-нибудь деревушке под Неаполем – Позитано или Равелло.

Поскольку я не имел ни малейшего желания это делать (да и вообще снова видаться с Денни), я переехал из квартиры на рю-дю-Бак в маленькую комнатку под крышей отеля «Пон Рояль». Тогда в подвальчике «Пон Рояля» имелся небольшой бар с кожаными диванами и стульями – любимая жральня богемных толстосумов. Рыбоглазый, вечно сосущий трубку, болезненно бледный Сартр со своей хрычовкой де Бовуар сидели обычно в одном и том же углу, словно забытые чревовещателем куклы. Нередко я встречал там Кёстлера – вечно пьяного и агрессивного заморыша, который не стеснялся пускать в ход кулаки. И, конечно, Камю, тщедушного, нерешительного и тонкого, как бритва, с каштановыми волосами, с живым блеском в глазах и встревоженным лицом человека, который постоянно к чему-то прислушивался (мне сразу захотелось с ним познакомиться). Я знал, что он работает редактором в «Галлимаре», и однажды просто подошел к нему – сказал, что приехал из Америки, где у меня недавно вышла книга рассказов. Быть может, он ознакомится с ними и «Галлимар» захочет их перевести? Позже Камю вернул мне экземпляр книги, который я послал ему по почте, с запиской: мол, английский у него не очень хороший и потому он не берется судить, но в моих рассказах чувствуется нерв и умение создавать яркие характеры. «Однако я нахожу их несколько скомканными, незавершенными. Если у вас появится новый материал, я с удовольствием посмотрю». Впоследствии, когда я встречал Камю в «Пон Рояле» (и как-то раз – на вечеринке «Галлимара», куда я явился без приглашения), он всегда мне кивал и ободряюще улыбался.

Еще одним завсегдатаем того бара была виконтесса Мари-Лора де Ноай, выдающаяся поэтесса, *saloniste*²⁵, собиравшая в своей гостиной множество творческих личностей, среди которых, казалось, вот-вот должны были материализоваться из эктоплазмы Марсель Пруст и Рейнальдо Ан. Эксцентричная супруга богатого марсельского аристократа и любителя спорта, любвеобильная и, вероятно, невзыскательная покровительница какого-нибудь Жюльена Сореля на современный лад – словом, идеальная дойная корова... Увы, этот куш уже сорвал другой молодой авантюрист из Америки, Нед Рорем. Несмотря на явные изъяны – обвислые морщинистые щеки, изжаленные пчелами губы, прическа с пробором посередине, придававшая ее лицу зловещее сходство с портретом Оскара Уайльда кисти Тулуз-Лотрека, – всем было ясно, что Рорем нашел в Мари-Лоре (фешенебельную крышу над головой и чело-

²⁵ Хозяйка литературных салонов (*фр.*).

века, способного продвигать его мелодии в стратосферах музыкальной Франции), но вот что нашла в нем она? Рорем был со Среднего Запада, квакер с нетрадиционной сексуальной ориентацией (что, согласитесь, диковато для квакера) – словом, гнусная комбинация скверного нрава и напускнуго благочестия. Себя он, несомненно, считал новым Алкивиадом – обласканным солнцем, золотым юношей, и многие разделяли это мнение, но только не я. Во-первых, у него был череп уголовника, плоский сзади, как у Диллинджера, а лицо гладкое и сладкое, будто кекс, – дурное сочетание слабости и самодурства. Впрочем, признаюсь: я завидовал его образованности, его куда более прочной репутации подающего надежды творца и блестящему успеху на поприще живого дилдо для «старых нор», как мы, жиголо, называем ходячие чековые книжки слабого пола. Если эта тема вас заинтересовала, почитайте весьма откровенные «Парижские дневники» Рорема: хлестко написаны. Серьезно, только чокнувшийся на правде квакер мог такое написать. Что подумала Мари-Лора, когда прочла эту книгу? Разумеется, на ее долю выпадали и не такие невзгоды – в конце концов сколько страданий могли причинить ей бесстыдные нюни Неда? Например, ее последний товарищ (по крайней мере, последний из известных мне), патлатый художник из Болгарии, покончил с собой следующим образом: вскрыл себе вены, взял кисть и, пользуясь раскуроченной рукой как палитрой, покрыл две стены смелой абстрактной росписью багряного цвета.

В самом деле, я обязан «Пон Роялю» многими знакомствами. В их числе главная американская эмигрантка, обосновавшаяся в Париже более шестидесяти лет назад, – мисс Натали Барни, богатая наследница и обладательница весьма гибких взглядов и столь же гибкой морали. Все эти шестьдесят лет она прожила в дивной квартире на Университетской улице с витражами на окнах и на потолке. Увидев ее жилище, старик Боти обезумел бы от восторга. Декоратор явно хотел отдать дань стилю ар-нуво: всюду цветное стекло, лампы «Лалик» в виде букетов роз и средневековые столики, загроможденные фотографиями друзей в золотых и черепаховых рамках: Аполлинера, Пруста, Жида, Пикассо, Кокто, Радиге, Колетт, Сары Бернар, Токлас и Стайн, Стравинского, королей Испании и Бельгии, Нади Буланже, Гарбо в вальяжной позе с подружкой Мерседес д'Акостой и Джуны Барнс (в этой обольстительной рыжеволосой красотке с губами цвета пименто я с трудом признал угрюмого автора лесбийского романа «Ночной лес», а позднее – героиню-затворницу Пэтчин-плейс). В любом возрасте (а было ей наверняка за восемьдесят) мисс Барни, одетая в мужской серый фланелевый костюм, всегда выглядела на твердые жемчужно-гладкие пятьдесят. Она любила автопрогулки и всюду разъезжала на изумрудном «Бугатти» с брезентовым верхом – обычно каталась вокруг Булонского леса, а в погожие деньки отправлялась в Версаль. Иногда мисс Барни и меня брала с собой, ведь она обожала поучать и читать лекции, а мне, по ее мнению, еще многое следовало узнать и многому научиться.

Как-то раз с нами поехала другая ее гостья, вдова Гертруды Стайн. Она хотела посетить некую итальянскую бакалейную лавку, где продавали редчайший белый трюфель, растущий на холмах в окрестностях Турина. Лавка была далеко, и по дороге туда вдова вдруг спросила:

– А не здесь ли находится студия Ромейн?

Мисс Барни, подозрительно оживившись, сказала:

– Заедем? У меня есть ключ.

Вдова, словно усатый паук, потеряла лапками в черных перчатках и воскликнула:

– Я там лет тридцать не была!

Одолев шесть лестничных пролетов мрачного каменного дома, насквозь пропахшего этим персидским (да и римским) одеколоном – кошачьей мочой, мы очутились перед студией Ромейн. Мои спутницы не удосужились даже вкратце рассказать о своей товарке, но я сообразил, что некоторое время назад Ромейн, по всей видимости, отошла в мир иной, а мисс Барни превратила ее дом в эдакий запущенный музей-усыпальницу. Влажный дневной свет сочился сквозь закопченные потолочные окна, окутывая колоссальных размеров мебель: зачехленные

кресла, прикрытое испанской шалью пианино, испанские подсвечники с оплывшими огарками. Когда мисс Барни щелкнула выключателем, ничего не произошло – свет не загорелся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.